

Мерлин Маркелл

Мерлин Маркелл

Никта

«Издательские решения»

Маркелл М.

Никта / М. Маркелл — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851946-8

Однажды в наш мир прорвался Хаос. Один смертный пытался его покорить, другой — улажить, третий — понять, четвертый — изгнать. Успеха достиг только тот, кто открыл простую истину: самая черная тьма не в неведомой силе извне, а в нем самом...

ISBN 978-5-44-851946-8

© Маркелл М.
© Издательские решения

Содержание

ГИПНОС	7
Оникс	7
Катрин	11
Письмо, сожженное в 2001 году	16
Оникс	17
Катрин	21
Письмо, сожженное в 2006 году	25
Оникс	27
Катрин	31
Письмо, сожженное в 2008 году	35
Оникс	36
Катрин	39
Письмо, сожженное в 2009 году	43
Оникс	45
Катрин	48
ТАНАТОС	51
Стефан	51
Катрин	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Никта

Мерлин Маркелл

Иллюстратор Марика Становой

Дизайнер обложки Мерлин Маркелл

© Мерлин Маркелл, 2017

© Марика Становой, иллюстрации, 2017

© Мерлин Маркелл, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-1946-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Свет вторичен, тьма первична.

– Да будет свет, сказал Господь и поджег фитиль Большого Взрыва.

Бог изначально существовал во тьме, он сам был этой тьмой.

Свет – фантазия и творческий эксцесс темного Бога!

На одном берегу, Где уходит память, На том берегу Говорят со стенами. На том берегу Могут рыбы лаять, Плавники украшая терном и стрелами.	На другом берегу, Где ртуть может таять, На том берегу Мирт и роза в неволе. На том берегу Пожинается пламя Дерзновенной коррозией бледной юдоли.
---	---

Меж двух берегов,
Где сияющий глянec,
Меж тех берегов
Бродит Никта нагая,
Меж тех берегов
Спит залежный скиталец,
О тех берегах свой закон полагая.

ГИПНОС

Оникс

На чердаке пятиэтажного дома в одном из пригородов Парижа никому не известный скульптор трудился над очередной статуей своей жены. Жена, которую звали Мари, недвижимо сидела на деревянном ящике. Раньше этот ящик служил для перевозки фруктов, сейчас – для хранения хлама, который скульптор считал памятными вещами.

Когда его немногочисленные знакомые, придя в гости, удивлялись отсутствию нормальной мебели, скульптор называл себя интерьерным минималистом и тем самым пресекал все лишние расспросы. Таковое самоназвание не мешало ему питать неумемную слабость к вещам, слишком новым, чтобы считаться антиквариатом, но уже слишком старым, чтобы ими пользоваться. Они и лежали в ящике, который служил Мари пьедесталом уже много дней подряд и будет, по всей видимости, ее сиденьем еще долго. Статуи никак не хотели получаться похожими на нее – да что там, хотя бы похожими на человека.

Гротескные и уродливые формы, которые принимала глина на каркасе из досок и проволоки, больше походили на монстров, которых Мари видела в кино. Но, она беззаветно верила, что однажды скульптор сможет воссоздать точную копию ее худого от скверного питания тела и войдет в историю как Микеланджело двадцать первого века. Пока что он был совершенно не востребован, потому и обретался вместе с женой на обшарпанном чердаке, где постоянно капало с потолка, а стенами между комнатами служили дешевые бумажные ширмы из «Икеи».

Скульптор сделал шаг назад, критически осматривая свое творение в полумраке. Вялый луч света из чердачного окна, освещая целый рой пыли, упал аккуратно на морду новой статуи. Свет придал ее глазам хмурое выражение, вычерчивая глубокие тени под грузными веками, и скульптор сделал еще несколько движений резцом, снимая лишнюю глину.

Настоящего его имени никто не знал. Он постоянно представлялся то одним, то другим. Даже Мари, будучи его женой неофициально, знала скульптора только по псевдониму – Оникс. Как он сам когда-то рассказал ей, прозвище придумал учредитель его первой выставки. На открытие пришло всего четыре человека, из которых трое были друзьями этого самого учредителя.

В то время Мари еще не была его натурщицей, но уже тогда уверяла себя, что только с искренней помощью настоящей женщины мужчина сможет добиться успеха. И Мари делала все, что в ее силах, то есть сидела на ящике каждый день по несколько часов, а когда не сидела – готовила, убирала и набирала тексты на стареньком ноутбуке, который постоянно вис. Один евро за тысячу символов.

Оникс смотрел то на жену, то на свою статую усталыми глазами с широченными зрачками, почти без радужки. Мари трактовала этот взгляд как знак особой влюбленности, ведь она прочла в интернете, что когда человек смотрит на что-то приятное, его зрачки расширяются.

– Почти готово, – сказал он. Монстр, сидевший на ящике, вздрогнул и вытянул к нему голову на тонкой изогнутой шее, угрожающе вращая глазами и скаля пасть. Оникс почувствовал зловонное дыхание из его глотки и поморщился, стараясь сохранять бесстрастное выражение лица. Кто знает, что на уме у этой твари.

– Тебе нужно еще немного постараться, котенок, – проворковала Мари. – Сам посмотри, шея слишком длинная... то есть, я хотела сказать, совсем чуть-чуть. И опять ручки кривоваты. Давай подправим, солнышко? Бернар примет твою работу, если все-все будет идеально, ты ведь помнишь?

– Она и так идеальна, – довольно произнес творец.

О, эти коленчатые лапы, как прекрасно они вышли! Тварь будто готовится к прыжку. Если ее хорошенько раскрасить, статую будет не отличить от живой. Хоть в музей ужасов сдавай. Глиняный прищур узких глаз смотрел на него, будто что-то замышляя.

«В следующий раз попрошу ее открыть рот. Я хочу вылепить пасть со всеми этими рядами клыков», – подумал Оникс. Его рука не удержалась от того, чтобы снова не взять резец. Сколько ни работай, каждый раз хочется добавить что-то еще. Сейчас ему пришло в голову, что будет неплохо выдавить чешую на поверхности, чтобы еще больше приблизить скульптуру к оригиналу.

– Можешь идти, Мари.

Монстр ловко спрыгнул с ящика и удалился в дальний угол чердака, где, за нагромождением множества других статуй, виднелся заваленный мусором письменный стол. Мари называла этот мусор творческим беспорядком. Кстати, где же она... Мари?

Удаляясь от него, монстр с каждым шагом все больше приобретал человеческие очертания. Когда Мари наконец заняла свое место среди творческого беспорядка, Оникс наконец узрел в ней свою жену, каковой видела себя она сама. Обычная представительница человеческой расы, руки, ноги, нормальный рот, нормальная шея.

От скульптора не ускользнуло, что жена, дожидаясь загрузки системы, достала из ящика стола маленькое зеркальце и показала себе язык, а затем тут же обернулась в его сторону, опасаясь, как бы Оникс не заметил ее дурачество. Он сделал вид, что полностью занят статуей.

«Любуйся, любуйся. Я-то знаю, как ты выглядишь на самом деле».

В маленьком окошке виднелся дождь, оставлявший на стекле черные разводы, будто кто-то трясет над городом гигантскую лейку с чернилами или нефтью. Мари не дано увидеть и этого, как и того, что они живут в пещере, а не на чердаке. Откуда в пещере окно, Оникса не заботило. Он привык игнорировать такие детали. Люди часто ведут себя абсурдно, с чего же быть логичным миру, который они строят вокруг себя?

– Крыша протекает! – крикнула Мари из своего угла. Вот же глупая женщина. Откуда в пещере крыша? Тут и должно быть сыро, тут и должно вечно капать с потолка. Конечно, плохо для занятия скульптурой, но что поделать, жить больше негде.

Статуя гидры за спиной Оникса положила одну из своих голов ему на плечо.

– Ты в любой момент можешь поделиться с ней своим даром, – проговорила гидра вкрадчивым, приятным голосом. Необычайно для такого мерзкого чудовища.

Эту гидру Оникс тоже лепил с жены. Мари частенько меняла форму, сам скульптор связывал это с происходящими внутри ее сознания переживаниями. Иногда он лепил и других монстров, что приходили из стен и так же уходили, оставляя следы из грязи или пепла, несколько раз бывали и кровавые следы. Мари их явно не видела, поскольку оставляла при уборке без внимания. Может быть, свалка на столе для нее самой – горка плюшевых игрушек?

– Да знаю я, – прошептал Оникс. Монстры уже не раз говорили ему об этом. Но, ему нравилось чувствовать себя особенным, единственным человеком, который видит истинную природу вещей, и он каждый раз отказывался. Скульптор считал, что заслужил этот дар, годами тренируя дух и разум. После этого даже мысль о том, что кто-то получит такой талант без капли усилий, казалась ему неприемлемой.

Неужели и вправду во всем мире не нашлось ни одного человека, *познавшего Никту*, то есть окончательно порвавшего для себя границу между сном и реальностью?

Оникс представил, что где-нибудь в сердце Африки в племени с совершенно непроизносимым для европейца названием обособленно от родичей живет старый шаман. Этот шаман тоже постиг искусство правильного зрения, и даже больше. Было б здорово с ним пересечься, обменяться опытом. Как жаль, что мудрый шаман – лишь фантазия, в отличие от гидры, которая не торопится убирать тяжеленную голову с его плеча.

– Почему именно Африка? Вуду-шмуду. Мне больше нравятся индейцы, – поведала гидра. – Вот уж кто знает толк в таких делах.

– Индейцы жрут кактусы, – ответил Оникс, продолжая высекать чешуинку за чешуинкой. – От кактусов любой дурак начнет бредить наяву. Бестолковый допинг.

– Милый, ты что-то сказал? – опять крикнула Мари.

– Да я так, сам с собою.

«Как же одиноко!» – пронеслось в его голове. Гидра прочла мысли своего создателя.

– Разве я плохой собеседник? – произнесла она с наигранной обидой. – Ладно, не буду с тобой больше говорить.

И гидра демонстративно удалилась в противоположный конец чердака.

– Кроме тебя, у меня тут целый полк собеседников, – тихо сказал ей скульптор вслед, обводя рукой другие творения, которые сегодня не подавали признаков жизни. Гидра ничего не ответила, а самая свежая статуя шумно вздохнула под его руками. Резец дрогнул и отсек больше материала, чем нужно.

– Тише, тише, – проговорил Оникс. Он уже начинал чувствовать, что у новой статуи характер куда более скверный, чем у гидры. Новорожденный монстр начал ерзать. Он выглядел нескладным со всеми своими коленцами, но Оникс знал, что это подвижная и быстрая тварь, судя по тому, как ловко Мари передвигалась, будучи в ее образе. Скульптор даже видел в ее порывистых движениях некую грацию.

Статуя вела себя слишком уж беспокойно, и Оникс решил сделать перерыв. Пройдя между нестройных рядов других глиняных тварей – больших и малых, жирных и хлипких, человекоподобных и совсем фантазмагорических – он приблизился к жене.

– Как дела? – спросил Оникс, усаживаясь с другой стороны ее рабочего места.

– Хорошо, – отозвалась Мари, не поднимая головы. Ее почти не было видно за всеми этими пустыми упаковками из-под чипсов и китайской еды. Оникс вспомнил вредный норов статуи, который начал проявляться задолго до того, как он признал творение законченным.

– Я так не думаю. Расскажи мне.

Мари чуть не заплакала от благодарности. Какой у нее чуткий, внимательный муж! Она ведь совершенно не подавала виду, чтобы не обеспокоить его, лишней раз не отвлечь от работы, а он все равно все понял...

– Заказчик не заплатил.

– Ты ведь собиралась работать по предоплате?

– Да, но... Если я не возьмусь на их условиях, возьмется кто-нибудь другой. И так заказов мало. Полно студентов, готовых работать чуть ли не за центы и без предоплаты.

– Ничего, все будет хорошо, – сказал ей Оникс. Он привстал, чтобы поцеловать ее через стол. Мари зажмурилась, готовая принять поцелуй, но в это время вдруг снова приобрела сходство с длинношеим существом. Оникс отшатнулся и вернулся к своим статуям. Мари, разочарованная, как ребенок, которому Санта положил уголь в носок, вернулась к своим текстам. Все же ее душу весьма грел тот факт, что ее переживания не остались без внимания.

Оникс тоже был доволен собой, размышляя над тем, что эту мерзкую пугающую пасть подарило твари не что иное, как злость Мари. Длинная шея обязана, видимо, ее желанию большей дальновидности, пронизательный хитрый взгляд – стремлению видеть настоящие намерения людей. Откуда же столько колен на ногах?

– Если я поделюсь с ней своим даром, поможет ли это ей? – спросил Оникс у гидры.

– Сомневаюсь, что она станет прозорливее, – неожиданно честно ответила ему другая статуя. – Скорее, будет тратить свое время на второе познание мира, а не свои однообразные статейки. Тогда вы точно помрете с голоду.

Гидра врезала ответившему монстру хвостом. «Если бы статуя была все еще из глины, она б разлетелась от такого удара», – подумал Оникс, наблюдая за грызней своих творений.

Пусть цапаются друг с другом сколько изволят, лишь бы его не трогали. Тем временем он заметил, что его последний акт творения исчез.

– Вот это номер, – пробормотал он.

– Уже убрал новую статую? Я думала, ты ее еще не закончил, – сказала Мари. Она стояла за его спиной с окровавленным кинжалом в руках.

– Что это ты задумала? – насторожился Оникс, указывая на кинжал. Он внутренне сгруппировался, готовясь к самообороне, хоть и не понимал, что происходит.

– М? Налью себе кофе, – жена перевернула вверх дном кружку, в которую тут же превратился кинжал. Оникс испытал слабое облегчение, но так и не смог окончательно расслабиться. – Тебе сделать?

– Ты же знаешь, я не люблю кофе. За четыре года могла бы и запомнить.

– Кто знает, вдруг на тебя, наконец, снизошло благословение кофейного бога, – весело отозвалась Мари. – Все равно дома ничего нет, кроме кофе.

– Пойду куплю чего-нибудь, – сказал Оникс, натягивая плащ. – Заодно и пройдуся.

Мари пожелала счастливого пути и отправила мужу воздушный поцелуй, тот поспешно поймал его рукой. Мари снова умилилась, а Оникс еле удерживал в руках трепыхающуюся летучую мышь, дико клацающую зубами. Того и гляди, отхватит нос или ухо, если ее выпустить. Пожелание жены было полно радушия, так почему же ее поцелуй обратился очередной тварью? Оникс сжал летучую мышь изо всех сил, и она растеклась черной кляксой, густой, как сметана.

Скульптор потряс рукой, пытаясь избавиться от слизи. Мари решила, что он машет ей на прощание, и помахала в ответ.

– До встречи, любовь моя! – восторженно попрощалась она, возвращаясь к своему ноутбуку.

Катрин

– Мадам, это Катрин, наша специалистка по снам и непревзойденная толковательница! Как громко сказано! Иначе нельзя. Скажешь «психолог» – никто и не услышит.

Мадам присаживается за маленький круглый стол из темного дерева, проводит пальцем по боковине столешницы, встряхивает рукой и морщится – кажется, нашла пыль. Чтобы отвлечь посетительницу, Катрин спешно просит ту поведать, что за причины привели ее сюда.

Мадам бросает на специалистку по снам небрежный взгляд, и Катрин заливается краской, стесняясь своего акцента. Хорошо, что в помещении темно – его освещают только несколько свечей на полке по правую руку от стола, да тусклый абажур в углу, а значит, мадам не сможет тайно порадоваться тому, как заставила ее покраснеть. На всякий случай Катрин склоняет голову, прячет лицо за крашеными в черный цвет волосами.

Чтобы занять руки, дрогнувшие от волнения, она берет на столе колоду таро и начинает ее перетасовывать. Честно говоря, карты ей не нужны, и лежат тут исключительно как реквизит. Вот в соседней комнате салона без карт никак. Там сидит Люсиль-гадалка. Каждый день Люсиль только и делает, что раскладывает карты, а потом описывает вслух, что нарисовано на картинках. Такая работа, по мнению Катрин, проста, как два пальца, так что она тайно посмеивается над гадалкой и ее клиентками. Интересно, сама Люсиль верит в то, что ее руками руководит какая-то высшая сила, когда она раскладывает карты?

Но вот мадам начинает описывать свой сон. Сначала ее голос – строгий, со стальными нотками, но постепенно он смягчается, а взгляд становится все более расфокусированным. Она уже не слышит дождь за окном и хриплые голоса рабочих, доносящиеся с улицы, не слышит музыку, доносящуюся из динамиков, тихую и однообразную. Мадам слышит только свой голос. Мадам продолжает рассказывать – и больше не видит скверно убранную комнату салона, не видит скромно одетую Катрин. Она видит только картины своего сна, они заполняют все ее сознание, приводя в трепет и мистический восторг.

Как же люди любят говорить о своих снах! Так же сильно, как они скучают, слушая переказы чужих. Но Катрин нельзя скучать, это ее работа. Она не столько слушает, сколько смотрит на женщину, что сидит напротив.

Острые черты лица, морщины на лбу. Часто хмурится, любительница покритиковать? На пальцах нет ни обручального кольца, ни даже следа, который остается у людей, когда они долго носят кольцо, а потом снимают. Ей уже за сорок, была ли она замужем? Может, просто не была обручена? На ее пальцах только ничего не значащие колечки с большими камнями-пустышками, бижутерия. Не слишком хорошо подобраны к наряду.

Катрин немного отклоняется на стуле, будто устав и желая сменить позу, на деле же она бросает взгляд на обувь посетительницы, на колготки и юбку – все, что она упустила при первом просмотре, когда хозяйка привела ее в комнату салона.

Красные остроносые туфли, капроновые колготки без единой затяжки. Один автор, чьими книгами она зачитывалась в старшей школе, писал, что по цвету одежды можно определить характер и мысли человека. Что там у нас означает красное ниже пояса, секс?

Позже она поняла, сколько домысла было в тех книгах. Красные туфли – это только красные туфли. Теперь Катрин нравилось мысленно отмечать, где знание, а где псевдонаука для бульварных журналов. Как-никак, диплом психолога.

Психолог. И где она сейчас, чем она занимается? Катрин еле слышно вздохнула. Мысли унесли ее далеко от этого места, и она упустила половину рассказа пришедшей мадам. Ничего страшного, все равно все их грезы во сне и наяву – про любовь. Катрин хорошо знает этот типаж. Главное, не поддаваться стереотипам, когда случится выдающийся случай... Таких слу-

чаев еще не было. Изо дня в день одно и то же. Разлука. Неразделенное чувство. Измена. Что значат эти знаки, Кати? Да ничего они не значат.

– Ваш сон значит очень многое, мадам, – говорит Катрин уважительно и веско. Мадам вся во внимании. – Мне редко удается встретить человека, чьи сны так полны знаков судьбы. Ваш ангел-хранитель говорит с вами через них, не иначе. Он предупреждает вас об опасности. Слушайте же меня внимательно.

Посетительница взволнована, и это тешит Катрин. Теперь они поменялись местами. Кто теперь чувствует себя хозяином положения? Жаль, разговор идет не по-русски, тогда Катя-Катрин смогла бы подобрать слова еще более красивые, еще более стройные и в то же время таинственные, заставляющие мадам поверить в свою исключительность. К сожалению, ее français пока что далеко не идеален. Слово «ангел» до сих пор кажется ей странно чужеродным. Ange. «Онж». По-английски и немецки звучало бы куда роднее и ближе.

Катрин растолковывает сновидение, не без удовольствия для нее самой. Много символов, которые можно толковать с точки зрения психоаналитика. Она находит параллели с матерью и детством, посетительнице нравится.

Мимолетом толковательница упоминает, что в доме у мадам была строгая атмосфера с музейной чистотой, и та удивляется, откуда Кати это знает? Кати не отвечает на этот вопрос, но многозначительно смотрит на мадам – с заботой и легким снисхождением. «Еще бы у тебя дома было не так», – думает она. – «Сидишь, как будто спину к доске привязали, не шелохнешься. Как солдат на посту». Действительно, может, отец – военный? Нет, скорее, рулила мать, сейчас мадам ей и подражает. А отец... была ли в ее жизни вообще такая фигура, может, подкаблучник? Стоит предположить. Сейчас она такого подкаблучника и ищет. Мужчина, имя которого проскользнуло в ее речах, Давид – он явно не такого склада человек, такой не прогнется. Вот она, опасность, про которую я буду рассказывать.

Итак, Давид – и есть та невзгода, о которой ангел-хранитель предупреждает посетительницу. Ох уж этот мужчина, мадам хлебнет горя, если решит построить с ним свою судьбу. Он будет неуправляем. Он будет где-то шататься и не отчитываться о своих передвижениях. Он будет все делать по-своему.

Мадам в ужасе, а Катрин думает, что этот Давид, если бы знал о происходящем, почувствовал бы себя ей обязанным. Она только что спасла его от мегеры-жены, которая ему совершенно не подходит.

Посетительница берет себя в руки и хмурится. Кого же ей тогда избрать в качестве спутника жизни, если не красавца-Давида?

– Если вы расскажете еще пару знаковых снов, то я, быть может, смогу истолковать и образ вашего будущего супруга.

Конечно же, такие сны у нее были. Только на той неделе ей грезилась l'amour с Бандерасом. Посетительница буквально боготворила его, и ее фанатизм вызвал у Катрин глубочайшее раздражение.

– Нам суждено быть вместе?

– Нет, это только сон, – сказала Катрин намного более резким тоном, чем требовалось. – Расскажите мне еще.

Та говорила еще и еще. О, а как-то давно она видела себя в короне и богатом платье, окруженную слугами, значит ли это, что она выйдет замуж за очень богатого человека? Нет, не значит. Может, в окружении мадам есть скромный человек... ее сосед, или с работы?

– Вы о Доминике?

Катрин кивнула. К ее неожиданности, мадам нахмурилась и резко отодвинулась от стола, скрипнув стулом по паркету.

– Этот идиот?! Чтобы я променяла Давида на него? Какая ересь! Шарлатанка!

Мадам вскочила со своего места и выбежала прочь из комнаты. Боже, какая темпераментная. Ладно, сегодня не угадала. Вот так всегда, хочешь как лучше, а получается наоборот.

Меньше, чем через минуту, в комнату ворвалась хозяйка салона, Шанталь Бонне, сразу заняв все пространство – не столько физически, сколько психологически, подавляя Катрин одним своим присутствием. На ее виске пульсировала нервная жилка, а густо накрашенные губы злобно сжались в тонкую нитку.

– Ты что, опять напророчила гадости? Сколько раз я тебе говорила, толкуй хорошее! Бери пример с Люсиль – ни одного недовольного клиента. Ни одного!

– Никаких гадостей я не говорила, – ответила Катрин, пытаясь напустить на себя скучающий вид, чтобы скрыть чувства. – Только правду, и ничего кроме правды. Я что, виновата, что люди не любят слушать правду?

– Так лги им! – и Шанталь ушла, грозно цокая каблуками. Из коридора послышалось ее бормотание: «Дура, вот же дура».

Когда Катрин в первый раз услышала крик хозяйки, то не выдержала и разревелась, а потом не могла успокоиться еще три дня. В ее голове сутками вертелись злые слова Шанталь – половину из них она в тот день даже не поняла, хотя усвоила одно – ею очень недовольны. Тогда она была еще непривычной к такой оценке своих действий, в университете она была отличницей и примером для подражания, а тут – *sotte*...

Постепенно Катрин научилась быть более толстокожей и не показывать виду, когда Шанталь (и не только она) пыталась оскорбить ее, хотя самолюбие все так же закипало внутри. В то же время она научилась большей витиеватости, поняла, как пускать пыль в глаза, и хотя девушка все еще пыталась толковать сны согласно психоанализу, она все реже говорила «Ваш сон ничего не значит. Это только ваша фантазия» и все чаще несла чушь про ангелов-хранителей и мистическое предвидение.

– Если повторится, пулей полетишь в свою Россию, – вдруг снова послушался голос Шанталь. Каблуки процокали по коридору мимо комнаты, но хозяйка не упустила случая снова выплеснуть на Катрин свои малоприятные измышления. – К Путину своему, – добавила она на обратном пути.

Причем тут вообще Путин? И, Катрин была уверена, что никуда она не полетит. Во-первых, рабочие места ограничиваются не одним гадалым салоном Бонне. Во-вторых, эта склочная баба ее только для того в салоне и держит, чтобы было на кого вылить ушат грязи, когда припрет. Хорошо, что ее характер скорее исключение из правил в этой стране, где люди привыкли доставлять друг другу колкости еле различимым (но оттого не менее обидным) сарказмом.

По крайней мере, подумала Катрин, французские слова больше не вылетают из головы после криков Шанталь. Уже прогресс.

«Меньше страха, но главное – не давать дерзости начать брать верх. Иначе чем я буду лучше нее?»

Однажды Катрин заметила, как заполняет документы ее начальница, и еле удержалась, чтобы не съязвить на тот счет, что даже иностранка пишет грамотнее Шанталь.

«Не опускайся на ее уровень. Вокруг столько классных людей, с которых стоит брать пример...» – подумала она.

Да кто, с кого брать пример? С Люсиль, которая сочиняет сказки, глядя на карточки с картинками? С Зоэ, которая, надо отдать ей должное – имеет более сложную, чем Люсиль, работу, сочиняя сказки не по картинкам, а по полоскам на ладони? Скоро и она будет сказки сочинять. «Психолог».

Катрин нестерпимо захотелось курить. Она бросила около года назад, муж настоял. Заявил, что больше не хочет целоваться с пепельницей. Катрин тогда взяла в руки сигарету,

сказала: «Это последняя», и, закончив с ней, больше к куреву не прикасалась. Но пачку с остатком не выкинула, нет. Она и сейчас, должно быть, валяется где-то на дне сумки.

«Я сильная, потому что смогла так сразу бросить, или слабая, потому что так сразу согласилась с Максом?»

Как только рука нащупала знакомые очертания в сумке, Катрин тут же понравился второй вариант.

«Я слабая и пошла на поводу. Он и так решил за меня, где нам жить, каждый день решает, что нам есть и куда пойти. Не ему решать, какие привычки мне заводить, и какие бросать!»

Пальцы сжали пачку, смяв ее. Запоздавший подростковый бунт.

Катрин вышла в коридор. Несколько занавешенных тяжелыми портъерами дверных проемов – не для интерьера, а потому, что на двери не хватило денег. Единственная лампа – над лестницей, по которой надо спуститься. Бетонные ступени.

Только одна сигарета. Только одна, и все. Катрин закурила на крыльце, оставив позади две двери – одна вела на лестницу, с которой она только что спустилась, другая – в кафе, что раньше было на первом этаже, да закрылось. У мужа тоже есть кафе. Катрин подловила себя на том, что хочет, чтобы этот его бизнес обанкротился.

Рядом – большой, старинный фонарь, Катрин ни разу не видела, чтобы он горел. В большом стекле фонаря – ее отражение, вид сверху. Что это, лысина? Катрин взволнованно ощущала макушку свободной от сигареты рукой. Вроде бы все в порядке... Русые волосы отрастают, вот в отражении и привиделось бледное пятно на голове.

Надо ткнуть взгляд куда-нибудь еще. В окне стеклянной двери с табличкой «Fermé» виднеются силуэты стульев и столиков, осиротевших без посетителей, видно то, что на противоположной стороне кафе разбиты все окна. Пройдет еще немного времени, и там поселятся бомжи. Удивительно, как еще не разбили саму дверь.

Почему людям надо все крушить, ломать все, что без хозяина, или у чего хозяин далеко? Уезжая из России, она думала, что нигде больше такого не увидит. Но люди везде одинаковые. Москва и Петербург на центральных улицах тоже сверкают, полные лоска, а на окраинах что? Везде будто бы одна глубинка. Так и люди – при встрече выпячивают свои «центральные улицы» и «достопримечательности», а копнешь глубже – и наткнешься на битые стекла.

Девушка отерла рукавом пыльное стекло на двери. Рукав тут же посерел, и Катрин чихнула от пыли.

– Будьте здоровы, – послышалось ей в ответ.

– Спасибо, – она обернулась и увидела суетливого мужчину с громоздким пакетом. Он был одет в плащ, но шел по дождю с непокрытой головой – с волос стекали струи воды. «Без зонта. Непредусмотрительный», – отметила Катрин про себя. – «Рассеянный ли по натуре, или из-за обстоятельств – надо будет уточнять». Он прошел мимо нее в дверь, ведущую на лестницу. Второй этаж – салон Бонне. Третий – сэконд-хенд с вещами для беременных и младенцев. На будущую маму визитер не походил, на типичного посетителя салона – тоже не особо.

– Бордель – следующее здание, – крикнула Катрин ему вслед. Тот сначала приостановился, а потом прибавил шаг. Как неудобно вышло. Может, хочет ребенку одежды прикупить? Заботливый отец. Вот бы и ее папаша был таким...

Топ-топ-топ. Судя по всему, зашел все-таки на второй этаж, в салон. Катрин бросила окурок на землю. А можно ли сорить в пригородах Парижа? Она переворошила в уме все правила поведения для туристов и эмигрантов, которым ее учили, но про мусор не могла вспомнить ни одного.

«Да что со мной? Сорить нельзя нигде».

Девушка наклонилась, чтобы поднять окурок. Он оказался не единственным – только другие намокли, посерели, потому она и не обратила на них внимание сразу. Да уж. Культурная

столица мира, Париж. Выпрямившись, Катрин осмотрелась в поисках урны. В поле зрения не было ни одной.

– Чтоб вас, – пробормотала она, бросая свой бычок обратно к остальным. Не в сумку же его класть. – Вот и я теперь немножко свинтус.

Письмо, сожженное в 2001 году

«Милая Оленька!

Я тебя очень-очень люблю и скучаю. Ты даже не представляешь, как. Пишу, и слезы текут, а ведь писать только начала... Я хочу сказать тебе много разных вещей, но у меня рука устанет писать их все, так что расскажу самое главное.

После того, как ты ушла, папа совсем расклеился. Раньше я просила фей, чтобы они отучили папу пить пиво, видимо, допросилась. Теперь он пьет водку. Когда совсем напьется, то кричит на меня. Будто это я виновата в том, что ты...

А если я и правда виновата? Прошу, скажи, что это не так. Приди во сне и скажи... Хотя в последнее время я не вижу снов.

Зачем мы пошли купаться в тот день? Ты помнишь, кто предложил первой, ты или я?

Мне кажется, от страха я разучилась плавать. Видеть сны тоже. У меня их будто украли, но это не самое страшное. У меня еще украли семью, сразу двоих в один день, и тебя, и папу.

Ты не помнишь, каким он был, когда ушла мама, потому что ты была еще маленькая. Он тоже пил, но не так. Раньше я не боялась, что он меня избьет. Вчера он тоже не ударил, только кричал, но я думала, что вот-вот, и... Мне страшно. От него постоянно пахнет, не только спиртом, а чем-то еще непонятным, и от этого второго запаха меня тошнит.

Ух, рука устала. Тетя Света надоумила меня писать это письмо. Сказала, что мне станет легче, если я тебе выговорюсь, а потом сожгу, что написала. С дымом мои слова улетят на небо. Она прочитала такое в книжке.

Я попросила тетю Свету отвезти папу на лечение. Не знаю, что из этого получится. А если совсем ничего не получится, попрошу ее забрать меня к себе.

Не хочу больше загадывать никаких желаний. Один раз загадала, и стало только хуже. Но если я когда-нибудь загадаю, я скажу: пусть Оля вернется, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!!!

Жду тебя,

Катюша»

ОНИКС

Скульптор суматошно озирался в поисках какой-нибудь тряпки, чтобы вытереть руку, чернильная слизь вызывала у него тошноту и омерзение настолько сильные, что он предпочел бы окунуть руку в армейский толчок, нежели еще раз ощутить на своих пальцах останки этой мыши.

Наконец Ониксу попало на глаза что-то аляписто-цветное, а главное – тканевое. Он тут же принялся елозить находкой по пальцам и успокоился только, когда его кожа окончательно потеряла тактильное воспоминание о контакте со слизью. Оникс бросил почерневшую тряпку на пол, гадая, что же это была за вещьца в мире простых смертных. Ему пришло предположение, что это мог быть шарф или платок Мари. Он представил, как жена повязывает на голову этот платок, весь в пятнах слизи, и его опять замутило.

Оникс взял швабру, подцепил ею тряпку и так и спустился с нею на улицу, как с опущенным штандартом. Снаружи тряпка и вовсе почернела до последнего волоконца – как-никак, шел дождь, тоже черный. Но, его капли не были такими отвратительными на ощупь. Просто вода, теплая чернильная вода. Всем остальным она кажется холодной.

Оникс швырнул тряпку вместе со шваброй в мусорный бак и поплелся в сторону магазина. По дороге ему встречалось множество причудливых существ, но в большинстве своем – мерзких и пугающих. Оникс вспомнил, как боялся их первое время. Прошел не один год, прежде чем он привык к ним и даже научился различать, где человек, а где скиталец, не имеющий никакого воплощения в материальном мире. Иногда пелена прозрения рвалась, и он видел жизнь такой, какой она была для него раньше. «Подумать только, какую красивую обложку видят смертные», – подумал он.

Над городом шагал гигантский паук, он и застилал людям солнце, а те видели лишь плотную рыхлую тучу. Быть может, синоптики говорили об этом. «Добрый день, дорогие телезрители! Со стороны Бельгии к нам приближается паук колоссальных размеров, приносящий в нашу страну холодный фронт и беспокойное геомагнитное поле...» Не было ли в последнее время каких-нибудь конфликтов с Бельгией? Вроде нет.

Иногда самообладание покидало Оникса, и он желал вернуться в те годы, когда тучи были тучами, а дождевая вода – дождевой водой. Но Морфеус, хранитель красной и синей таблеток, все так и не приходил, не предлагал выбор между забвением и спасением мира; так что скульптору ничего не оставалось, кроме как смириться и выстроить для себя стену из утверждений, чем его прозрение лучше забвения. Чтобы в очередной раз получить для себя подтверждение, он как бы невзначай завязал разговор со случайным прохожим. Им оказался, судя по логотипу университета на толстовке, студент из Реймса. Морда у реймсца была преотвратная, вся в каких-то шелушащихся наростах. Верхняя губа оттопыривалась, обнажая кривые желтые зубы. Какой контраст с тем, что он сам видит в зеркале.

– Если бы вам предложили возможность видеть истинную сущность людей и вещей, вы бы отказались? – обратился скульптор к студенту, который имел неосторожность спросить у него дорогу. – Чисто гипотетически.

– А невидимость не предлагают? Или уметь телепортироваться, лазером из глаз стрелять? – усмехнулся студент. – Ладно. Согласился бы, а что нет-то? Это же вроде как читать мысли?

Оникс пораздумал и согласился, что эта «сверхспособность» в философском роде сходна с чтением мыслей. Пусть будет так.

– Но тогда вы были бы шокированы, сколько вокруг вас тьмы, и в окружающих вас людях. Тех, которых вы считаете своими друзьями... В итоге может случиться так, что вы и вовсе разочаруетесь в жизни.

- Ну, у всех есть темные мыслишки, – сказал тот. – Все не без греха.
- Вы даже не представляете масштаб этого греха, – продолжал гнуть свое Оникс.
- А, я понял, к чему все это. Не теряйте время, я убежденный атеист.

Студент поспешил удалиться, так и не узнав правильный маршрут к пункту своего назначения. К сожалению, кроме них двоих на улице никого не было – она и в солнечные деньки была малолюдной, а в такой ливень и подавно. Оникс даже не испытал желания крикнуть студенту вслед, что он идет совершенно не в ту сторону.

Когда студент поравнялся с переулком, оттуда стрелой метнулась тень, повалившая его на землю. Студент закричал и заслонил руками лицо, уже вполне обычное, человеческое. Тень, в которой Оникс узнал свою последнюю скульптуру, вгрызлась жертве в горло. Крик превратился в хрип, и скоро вовсе прекратился. Тварь оторвалась от распростертого под нею тела, по лебединому изогнув шею, и облизнула кровь с губ, глядя на своего создателя. Оникс потянулся к телефону, намереваясь набрать «112», но мобильник завибрировал, и среди шума дождя раздался «Полет валькирий».

«Стефан Бернар», гласила надпись на дисплее.

– Алло?

Мгновения, которое он затратил на чтение имени звонившего, хватило для того, чтобы монстр успел скрыться вместе с телом студента.

– Оникс, дорогой, как делишки? – заговорила трубка слащавым тоном.

– Прекрасно, – отозвался скульптор с максимальной приветливостью, которую смог из себя выжать. Не каждого представителя сильного пола порадует такое обращение, но это был единственный агент, который с ним работал, так что Оникс изображал из себя верх дружелюбия в общении со Стефаном. Впрочем, сейчас скульптора больше занимала агрессивная тварь, сбежавшая из его студии, нежели личные наклонности его агента, потому он побежал к месту, где произошло нападение.

– Ты тяжело дышишь, дорогой! Уж не отвлек ли я тебя от чего-то приватного?

– Нет, я свободен, говори, – отозвался Оникс, взглядываясь в лужи под ногами. Он видел их исключительно чернильными, поэтому не мог и предположить, будут ли видны другим людям кровавые разводы на асфальте, или дождь уже все смыл.

– Никак не выходит устроить выставку. Продать твоих чудиков тоже, – продолжала верещать трубка. – Ты мог бы лепить кошек, или, на худой конец, птиц? Кошки хорошо расходятся. Ты слышал о Сильвии Ламбер? Она вырезает из дерева таких классных кошек, тонких, длинных... Ты ведь и сам вроде питаешь страсть к длинным шеям? Все эти гидры, динозавры... Или это был дракон? Посмотри на ее кошек, сделай парочку в том же духе, глядишь, и продадим чего ради масла тебе на хлеб.

– Я не подражатель, – сказал скульптор, бегая по переулку в поисках хоть какого-нибудь намека на то, куда могло запропасться чудовище со своей жертвой.

– О, никто и не просит тебя копировать Сильвию, дорогой! Она делает статуэтки из дерева, а ты будешь делать их из глины, где ж тут подражание? Что-то ты совсем тяжко сопишь, лучше не буду тебя отвлекать, хех! Обдумай еще раз мое предложение насчет кошек! Чао!

Тварь как сквозь землю провалилась. Хотя, в мире, который видел вокруг себя Оникс, она вполне могла уметь путешествовать сквозь толщу земли. С этих чудовищ станется.

Еще ни разу Оникс не видел, как монстры так явно нападают на людей. Тянут из них силы, пьют жизнь – с этим он сталкивался не раз, но чтобы убийство, да еще такое... грубо материальное – нет, такого он не встречал. И ведь эта тварь не была порождением мира, она вышла из-под его собственного резца, и он чувствовал ответственность за ее действия. Сколько еще людей она убьет, прежде чем Оникс поймет, как с ней совладать, если вообще узнает, как это сделать? Стоит убедить себя в том, что студент «не был чист» и заслуживал смерти... Да,

лучше думать так, не то чудовище ополчится на него самого, и он сам станет его следующей жертвой.

Воспоминания хлынули в его голову, чужеродные, как киношные кадры. Они убеждали Оникса, что раньше он сам был охотником, пускавшим кровь тем, кто оказывался слабее. Такому охотнику не полагается быть жертвой. Но, сегодня он может ей стать – и то по своей же собственной вине! Он сам сотворил этих монстров, они вышли из-под его резца.

Кроме того, Оникс вспомнил, что собирался купить продуктов, пусть поход в магазин и был лишь предлогом для того, чтобы найти сбежавшее творение и убедить его вернуться в студию. Путь до ближайшего супермаркета был недалек, так что Оникс успел по пути не раз еще испытать укол совести за свершившееся. Когда он, наконец, добрался до царства консерв, круп и хлебобулочных изделий, его уже одолевала не совесть, а самый настоящий страх. «Будто вернулся в старое доброе время, когда мир только начал показывать свое истинное лицо», – подумалось скульптору. Постепенно он свыкся с чудовищным окружением, но как свыкнуться с осознанием того, что в соседнем переулке поселился плотоядный монстр?

Последняя банка с кетчупом со скидкой 90%, к которой он протянул руку, отрастила крошечные ножки и побежала прочь от незадачливого покупателя.

– Ну и черт с тобой, – буркнул Оникс, сгребая в тележку кетчуп без скидки. Может, сбежать в другой город? Но где гарантия, что его следующая скульптура не убьет их с Мари на месте?

– Я бы на твоём месте начал лепить кошек, – подала голос голова студента из тележки. Оникс остановился, вспоминая, когда это он брал такое с полки. – Хотя они тоже могут убить. Одну старуху загрызли её собственные питомцы. Но она сама виновата, забыла их кормить. Вот старая склерозница!

Оникс поднял голову за волосы, и из рваной раны на месте шеи тут же бурным потоком полилась кровь, заливая продукты в тележке. В человеческой голове физически не могло быть столько крови, но скульптор давно не удивлялся таким вещам.

– Заткнись, или я сыграю тобой в футбол! – рявкнул он, заставив мадам в соседнем ряду подпрыгнуть от неожиданности и выронить что-то из рук. По супермаркету пронёсся звон разбитого стекла. Голова умолкла и, как только Оникс опустил её обратно в тележку, обратилась капустным кочаном. – Как вы мне все надоели! Даже Никта не знает, как! – обратился он уже к бутылкам с кефиром и йогуртом, взявшимся водить хоровод прямо посреди прохода. – Как в долбанной «Алисе», чесслово... Возвращались бы вы обратно в сны, да там и сидели.

Бутылки начали раззевать зубастые глотки на месте горлышек, демонстрируя свое недовольство. Одна увязалась за ним, порываясь укусить за ногу. Оникс не удержался и пнул бутылку. Та разлетелась на множество осколков.

– Да что за день такой, – пробормотал работник супермаркета, оказавшийся поблизости. – Мсье, вам придется заплатить за это молоко!

– Заплачу, – отозвался раздосадованный Оникс. Бутылка сама погналась за ним, да еще собиралась укусить, а платить – ему.

На выходе смазливая девица сунула ему в руки флаер.

– Салон Бонне! Мы знаем, что вас ждет завтра, и готовы рассказать вам!

– Ну ага, – отозвался скульптор, уже готовый избавиться от бумаги у ближайшей урны. По пути он все-таки заглянул в листовку. Стандартный набор шарлатанской конторы: «К вашим услугам: астролог, хиромант, таролог, спиритист»... О, что-то новенькое – «специалист по снам». Чем вообще занимается этот специалист, которому даже не придумали заумного названия? Связывается с душами умерших во сне? Рассказывает вещие сны? Вряд ли что-то связанное с осознанными сновидениями или чем-то хоть немного близким к ониксовой бытности. Но, ему было так одиноко, и так хотелось выговориться о том, что он видел. Шар-

латаны в салоне сами несут тонны небылиц каждый день, так пусть хоть раз в жизни такую небылицу послушают.

Пока скульптор предавался таким мыслям, ноги уже несли его по адресу, указанному в листовке.

Катрин

– Где тебя черти носили? Клиент ждет! – прошипела ей в ухо Шанталь, стоило только ступить на второй этаж.

«Ждет меньше минуты, старая ты ведьма», – подумала Катрин, но вслух не сказала ничего.

– И улыбаться не забывай! Или ты не умеешь?

– Не умею, – сказала ей Катрин, скрываясь за портьерами своей комнаты, чтобы поскорее сесть за свой стол рядом с посетителем – при нем Шанталь шуметь не будет.

Тот вертел в руках ее карты.

– Интересная колода, – сказал он. – Не Райдера-Уайта, не марсельская, не Висконти, не Тота... что же это за карты?

«Я будто помню? Скажи спасибо, что колода не с котьями».

Она заняла свое место за столом, заставила себя улыбнуться и спросила:

– Месье хорошо разбирается в картах таро?

– Видимо, не слишком хорошо, раз не понял, что у вас за колода. Но я бы не придавал этому факту особого значения. Нынче колоды рисуют все, кому не лень, мадмуазель.

– Я замужем, – поправила его толковательница сновидений. – Но все здесь зовут меня Катрин, так что и вы можете обращаться ко мне безо всяких «мадмуазель» и «мадам». Что до колоды, я купила ее за границей.

– Очень интересно. Ваш висельник напоминает мне Мефистофеля, – посетитель взял в руку карту, где зеленоватый мужчина с козлиной бородкой висел меж двух змей на деревянной перекладине, подвешенный за ногу. – Откуда вы? Финляндия? Швеция?

– Нет, я из России.

– Никогда бы не подумал. Даже кириллица меня не убедила, – он указал на буквы под картинками. – Я почему-то подумал, что вы купили колоду в путешествии, а не в родной стране. Что же привело вас во Францию?

– Думаю, вы пришли поговорить о своей судьбе, месье, а не моей, – сдержанно ответила Катрин. Она была страстной любительницей проанализировать все и вся, и вот – ей попался человек с таким же увлечением. Хотя, может статься, что он просто болтлив, и его разговоры – пустая вежливость. Или он скрывает свою неуверенность, переключая разговор на нее? Боится начать о себе. Это куда любопытнее, чем тот факт, что «Повешенный» в ее колоде похож на Мефистофеля. Катрин решительно забрала у него из рук свою колоду. – Расскажите, что вас привело.

Во взгляде посетителя проскользнуло что-то, похожее на беспомощность.

– Как я могу к вам обращаться? – спросила Катрин, уже куда более дружелюбным тоном, чтобы расположить к себе собеседника. Это было даже искренне. Не каждый день к ней заходили лица мужского пола.

– Поль. Зовите меня Поль.

– Хорошо. Поль, все, что вы мне расскажете, останется здесь, между нами.

Посетитель кивнул, но никак не мог собраться с мыслями. Сжалившись, Катрин вернула ему колоду, вдруг ему будет проще сосредоточиться, глядя на картинки. Тот снова начал перебирать старшие арканы.

– Вас привел сюда любовный вопрос?

Ни один мимический сигнал не ускользнул от ее взгляда. Промелькнула задумчивость в глазах, губы дрогнули смущенно. Да, у него есть какая-то интрижка, и волнующая, но привела сюда месье Поля все же не она. Отлично, что-то новенькое.

– Чья-то смерть? – еще более участливо спросила Катрин. Посетитель покачал головой. Нет, совершенно мимо. Значит, дела еще интереснее. – Что же такое вы увидели во сне, раз пришли к толковательнице снов в гадальный салон?

– Не увидел. Вижу постоянно.

Ну, хоть что-то удалось из него выжать. Идеальный партизан. Не раскалывается даже тогда, когда это нужно ему самому.

– Что же именно вы видите?

Поль наморщил лоб, подбирая слова. Прямо как Катя, когда еще начинала учить язык, и все время забывала, как сказать то да это, да как выразиться в прошедшем времени.

– Чаще кошмары.

Для Катрин все стало очевидно. Паренька мучают страшные сны, и он решил от них избавиться таким вот странным способом. «Жаль, но ты немного не по адресу, юноша. Хотя придется поговорить с тобой минимум полчаса, чтобы взять полную плату...»

– Что же вам снилось этой ночью, Поль? – спросила она деловым тоном.

– Почему ночью? – посетитель оживился.

– Ну, если вы спите до полудня, то и не ночью... Неважно. Что вы видели?

– Не видел, а вижу, – опять подчеркнул Поль. Катя почувствовала себя растерянно. Она что, перепутала времена глаголов? Или для чего он все время поправляет?

– Я вас не совсем понимаю...

– Я вижу сны все время. Даже когда не сплю, – наконец сказал он. – Даже сейчас.

Катрин уставилась на него еще более непонимающе. Ее подмывало достать смартфон, включить на нем переводчик, попросить посетителя записать свои слова в левом окне, и пусть правое окно поможет ей разобраться, чего же от нее хотят. Она была в полной уверенности, что здесь какая-то игра слов, которую ей не удастся уловить.

– Так было не всегда, – продолжал Поль. – Я был обычным человеком. Ну, почти. Потом мне стали сниться кошмары, чаще, чем раньше. Чаще, чем кому-либо из моих друзей. Потом кошмары заполонили все мои ночи. Когда у меня уже не осталось обычных снов, я сделал кое-что... Но они не остановились. Они вырвались в реальность.

– Вы хотите сказать, что ваша жизнь превратилась в кошмар? – Катрин всем своим сердцем желала нащупать тут хоть какое-то логическое зерно.

– Нет. Я хочу сказать, что кошмары вырвались из снов в явь.

Катрин схватилась руками за голову, причем буквально. Может, и правда достать смартфон с переводчиком?

– Так значит, вы никогда не слышали о таком феномене, Катрин?

– Да о каком феномене?!

Может, она действительно такая *sotte*, какой ее считает Шанталь?

– За вашей спиной, – проговорил Поль, четко выговаривая каждое слово, чтобы русская собеседница могла понять его как можно лучше, – стоит монстр. Он черен, как ночь, и кровь стекает с его клыков.

Катрин испуганно обернулась, но сзади ничего не было, кроме тумбочки и запотевшего от дождя окна. Глупости какие!

– Вы думаете, это смешно? – спросила она, вновь воззрившись на Поля. Его лицо было абсолютно серьезным и немного мрачным. «Сумасшедший, господи. Я в одной комнате с сумасшедшим. Хорошо хоть не буйный».

– Я не шучу. Но я не безумен. Иначе я бы не знал, что этих кошмаров не видит никто, кроме меня, и кричал бы о них на каждом углу.

– Так как выглядит этот монстр? – спросила Катрин, не зная, что еще она может сказать, кроме «Это не моя компетенция, молодой человек, обратитесь к психиатру».

– Высокий, метра два ростом. Длинная шерсть – но я вижу это только по силуэту. Сам он как черный зияющий провал в пространстве, на котором нарисованы глаза, маленькие и желтоватые. А еще пасть с клыками, я вам уже говорил. Облизывается... У него длинный язык. Тянется к вам своим языком. Облизывает вашу шею.

Катрин почувствовала ледяное прикосновение к шее с правой стороны, схватила за нее ладонью и снова обернулась, покрываясь холодным потом. Все так же – никого, только тумбочка с окном. Она вскочила на ноги, подбежала к окну и захлопнула форточку. «Дождь и ветер. Капли дождя как-то долетели до меня», – уверила она себя, хотя понимала, что это невозможно.

Поль все так же сидел с колодой в руках, но уже не перебирал ее. Взгляд его был устремлен куда-то в пустое место рядом с Катрин. Он был все таким же вяло-беспокойным. Взгляд человека, который смирился.

– Он смеется, – сказал Поль.

– Над чем?

– Над тем, что вы закрыли окно. Им всегда смешно, когда люди списывают их присутствие на что-то материальное: сквозняк, уличный шум или что-нибудь еще в этом роде.

«Тут ничего нет», – сказала себе Катрин, усаживаясь обратно за стол. – «Этот человек – сумасшедший. Веди себя естественно, обсуждай с ним его монстров, а потом он уйдет, и ты больше его не увидишь. Уже сегодня будешь смеяться над этой историей вместе с Максом».

Обсуждать клиентов, конечно же, запрещалось в их салоне, но этот случай был из ряда вон выходящим. Хочешь-не хочешь, а придется выговориться. Максим опять скажет, что работа у нее дурацкая, неудивительно, что в такой салон ходят одни психи, и что лучше бы Катя помогала ему лишний раз с кафе. А она на этот раз не будет возмущаться, что он ищет бесплатную посудомойку, а впервые согласится, что работа и правда дурацкая, давно пора увольняться...

– Он наклоняется, – продолжает Поль. – Что-то говорит вам на ухо.

– Что же? – спросила Катрин, уже почти невозмутимо. Подумаешь, псих пришел. Безобидный же.

Поль встал, подошел к ней и будто бы прислушался. А затем выпалил по-русски с жутким французским акцентом:

– Вредная Катючка-кольючка!

Катрин снова нервно вскочила, в ужасе уставившись на Поля. Затем в ее голове сложились дважды два, и она закричала на посетителя по-русски:

– Вон отсюда, шутник! Вон!

Поль спокойно ответил, что не понимает ее, и Катрин повторила те же слова по-французски, силой выталкивая визитера из комнаты. Как же она пожалела, что в их салоне нет дверей, а значит, нельзя захлопнуть их, чтобы шутник не смог вернуться.

Шанталь прибежала на ее крик, немного испуганная, еще бы – она ни разу не слышала, чтобы Катя кричала вот так. В голове у нее уже построилась своя картина произошедшего.

– Ты к ней приставал?! – скорее утвердительно, чем вопросительно, воскликнула хозяйка салона. – Ты перепутал, бордель дальше по улице! А ну пошел отсюда!

Поль, пробормотав что-то о том, что тупые бабы его уже достали с этим борделем, и что «скоро она узрит», стремительно удалился.

– Ну-ну, душечка, успокойся, я тебе сейчас чаю сделаю, – вдруг проговорила Шанталь совсем другим тоном. – Я тебя в обиду не дам. А лучше – иди домой, отдохни, если кто к тебе придет – пусть Люсиль примет.

Тут Катрин не выдержала и всхлинула. В ее голове никак не укладывалось, что кто-то решит так жестоко подшутить над нею, и старуха... Катрин никак не ожидала такого от нее, а та приняла эти слезы за очередное подтверждение своим догадкам о произошедшем.

– Этот извращенец сюда больше ни ногой, ты не бойсь, – сказала Шанталь, доставая из кармана платок и протягивая его Катрин. – Потом постираешь – вернешь.

– Спасибо, не надо, – проговорила та. – Я лучше пойду.

Когда Катрин спустилась с крыльца на дождливую улицу, ее снова одолела злость. «Катюшка-колючка» – так дразнила ее сестра в детстве. Об этом в Париже знал только ее муж. А значит, он нанял этого клоуна, чтобы напугать Катрин, и тем самым заставить ее бросить работу. Вот уж она ему сегодня выскажет, все, что о нем думала все эти месяцы, да держала в себе.

Выкурить еще сигарету ему назло. Пропахнуть крепким табачным дымом, пусть нюхает...

Ветер вырывал зонтик из рук, и ей еле удавалось удержать его. На следующей улице зонтик и вовсе вывернуло в обратную сторону, превратив его в смешной, нелепый и бесполезный предмет – один в один с тем, как Катрин сама ощущала себя в этом городе, в этой стране.

Приводя зонтик в порядок, Катрин промокла насковозь. Вода хлюпала в сапогах, пробиралась за воротник. Надо было надеть куртку с капюшоном. Прогноз погоды снова ее подвел, принеся вместо небольшого дождя настоящий тайфун.

– Будет как в тысяча девятьсот десятом, – задорно поведал ей старичок на остановке. – На лодках по улицам кататься будем!

– Боюсь предположить, сколько вам лет, месье? – спросила Катрин. Тот расхохотался.

– Нет, мадмуазель, я сам его не застал, нет! Видел на картинках. Люди строили мосты прямо посреди улиц, из того, что под руку попадалось... А сейчас повсюду провода, замкнет чего, так полгорода без света и останется...

Подъехал автобус, маршрут которого годился для Катрин, но не для старика, и она не смогла дослушать его размышлений по поводу наводнения. Не такими уж они были интересными, чтобы ждать под дождем следующий рейс.

Пол в автобусе был покрыт грязной жижей, еще хуже, чем на улицах. Катрин прошагала по грязи к свободному месту и устала в окно, за которым колыхалась серая пелена с время от времени мерцающими огоньками. Если закрыть глаза, можно представить, что она находится в родном городе. А уши можно заткнуть наушниками. Play. Наугад.

«Вот не повезло. Ты упала в мир. До твоей звезды – миллионы миль...»

Следующая.

«Она жует свой орбит без сахара, и вспоминает всех, о ком плакала...»

Следующая.

«Она не придет – ее разорвали собаки, арматурой забили скинхеды, надломился предательский лед...»

Следующая.

«Девушка по городу шагает босиком, девушке дорогу уступает светофор...»

Пойдет.

Автобус останавливается, не давая песне дойти до логического завершения. Два квартала и вот она, вывеска Café «Maxim». Почему бы не Café «Maxim et Catherine»?

Катрин обошла здание и поднялась в дом через черный вход, откуда прошла в подсобку, которая служила им с Максимом спальней, гостиной, библиотекой, рабочим кабинетом и тренажерным залом. Разве что туалетом не служила – они ходят в служебный собственный кафе. А ванной и вовсе нет, моются в раковине ночью, когда весь персонал уже уйдет.

Оказавшись наедине с собой, Катрин сбросила сапоги и одежду в угол, не в силах даже аккуратно разложить все это, не то что развесить, и, оставшись в одном нижнем белье, упала на матрас. Отсюда почти не было слышно дождя – шум, доносящийся с кухни и из кафе, все перекрывал. В голове ее наступила какая-то пустота без мыслей, принесшая уныловатое спокойствие и равнодушие.

Письмо, сожженное в 2006 году

«Оля,

Ты не поверишь, но я тебе завидую. Да-да, лучше бы это я наглоталась воды в свой легочный мешок и умерла в мучениях. Тут творится настоящая жесть.

Наш любимый папочка выпил туалетную воду, которую мне подарила тетя Лена. С запахом розы в таком длинном фиолетовом флаконе. Но хреново не то, что духов больше нет. Плевать на духи. Хреново то, что он отпирается. Говорит, я сама истратила.

Больше всего бесит, когда тебе смотрят прямо в глаза и врут. Ненавижу. На той неделе он унес книжки. Думаю, продал, чтобы купить себе еще бухла. Я спросила, где книжки, а он смотрит невинными глазками, вы только посмотрите на него! Как мне делать уроки без книжек? Дебил.

Короче, он бесит меня, а я бешу его. Вот это семейка, да? Ему не нравится моя одежда и вообще мой вид. Его дело. Каждый имеет свое право на мнение, даже если этот человек дебил. Но зачем лить свое дерьмо мне в уши каждый день? Как будто я за вчерашний день забыла, что ему не нравятся мои волосы и то, как я крашусь.

Хорошо, что пользованную косметику никто не купит, иначе он бы и ее унес и продал.

Ты знаешь, откуда я беру деньги? Собираю бутылки, как бомжи. И еще разношу газеты. Оказывается, бумага может быть капец какой тяжелой. И ради чего надрываюсь? Ладно бы за идею. Но эти газеты дерьмовые, их никто не читает. Восемь страниц одной рекламы и колонка анекдотов. Сейчас весь мир такой – девяносто пять процентов торгашни немножечко «ха-ха» сверху. Написала в звездочках, потому что ты еще мала для таких взрослых слов. Вы на том свете взрослеете, или как?

Если нет, как обидно тем, кто умер младенцем! Все летают с арфами, а ты лежишь и гадишь под себя, прямо на облако. Ведь если младенцам дать крылья, они будут летать и гадить сверху на других ангелов. Младенцы же не умеют управляться с кишечником. Поэтому, очевидно, что у младенцев-ангелов крыльев нет.

Он отвлек меня посреди письма. Знаешь, о чем мы сейчас говорили? Точнее, Его Величество говорило, а мне полагалось слушать. Я ведь челядь, чье мнение не учитывается. Говорит, если я не покрашусь в нормальный цвет, он меня ночью побреет налысо. Вот это номер. Я сказала ему, что мне так будет даже лучше, убегу к скинхедам и буду у них сразу как своя. Несерьезно, конечно, но он поверил, завел свою шарманку «с кем ты связалась», и т.д., и т.п.. У него бзик, он думает, что я в дурной компании. Если бы он хоть раз посмотрел на что-то, кроме бутылки «Трой» в витрине, он бы понял, что у меня не то что плохой, у меня вообще нет никакой компании! С кем мне водиться? В школе одни цивилиы. Одна надежда, может, в универе будет нормальный народ.

Так вот, он говорит, чтоб я покрасила волосы в «нормальный цвет». Вот чем моя жизнь станет легче, если я покрашусь? Он все равно найдет, над чем зудеть. Но, уважаемые знатоки, где мне брать деньги на краску? Ради зеленого или голубого цвета я готова потаскать тыщщу килограммов газет на собственном горбу, ради отстойного русого или каштана – нет, пусть сам раскошеливается. Но я, блин, не то что копейки от него уже несколько лет не видела, так еще и свои заработанные деньги прячу, чтоб не спер. Мне постоянно чудится сквозь сон, будто бы он меня поднимает, чтоб достать бабло из-под матраса.

Вот такие веселые глюки, а нормальных снов как не было, так и нет. Пойду учиться на психолога, может сама себя вылечу, ха! На психиатра у меня ума выучиться не хватит, а психологом может всякий дурак быть. Сидишь в кресле, киваешь и делаешь вид, будто что-то пишешь в тетрадку, а сама рисуешь каракули. А уж слушатель из меня после батиних монологов по три часа просто офигенный.

В школе тоже полно придурков. Приклеили жевачку к волосам. Заметила только дома, пришлось отстричь целую прядь. Не папочка ли их надоумил? Про то, что мои вещи все время портят, я уже молчу. Изрисовали мой белый пенал с черепами. Единственная, кстати, светлая вещь, и, видимо, последняя. Еще стебуют то, что я ношу в школу пенал. Это типа некруто. Да, конечно, куда удобнее вываливать все ручки и карандаши прямо в сумку, потом искать по полчаса, а потом стрелять эти карандаши у Кати, которая (вот неожиданность), не теряет карандаши как раз потому, что носит пенал.

Ты вот думаешь, что за мелочи – пенал, жевачка... Это все фигня. Прелюдия к главной трагедии. У наших мальчиков отросли писюнчики, и они думают, что созрели. Иду домой со второй смены, на улице уже темно. Эти кричат мне: «Пошли трахаться!» и гогочут, как кони. Выбила б все зубы, если могла. Они думают, что такой страшиле, как я, за счастье должно быть, если ей кто-то из жалости предложит. Видимо, я должна стать прожаренной солярием курицей с паклей убитых перекисью волос, чтобы это быдло меня начало уважать.

Я ничего им не ответила. Сделала вид, что ничего не слышу из-за музыки в наушниках. А как хотелось достать из сумки свечи, черепушки, зажечь прямо там, начать чертить пентаграмму и кричать по-латыни. Как бы я их напугала! Недалекие люди часто суеверны. Но в темноте они бы не разобрали, что я там такое делаю, да я и не решилась. И свечей и черепушек у меня с собой не было, если честно.

Но вот смотри, если что-то случится, у кого мне просить защиты? У алкаша, продающего мои учебники, а потом зудящего, что я стала хуже учиться?

Ты меня тоже бесишь вместе с ним. Нашла, на кого оставить сестру! Иди спроси у других ангелов про их божественное провидение. Какие там у них планы на меня, а? План Сталина, блин, с миллионом ссыльных. В роли всего миллиона – я.

Есть такой анекдот. При Сталине страна как в автобусе. Полстраны сидит, полстраны трясется. У меня с крышей похожая беда. Чувствую, как одна половина едет, а другая обваливается прямо внутрь моей башки. Хоронит там все, во что я могла бы верить. Особенно, в высшие силы.

А мне нравится Виссарионыч. Жаль, я не такой же суровый мужик с усами. Спорю, даже когда он был в моем возрасте, и еще не носил усов, никто не смел читать ему нотации? Запишу в число вещей, которые меня бесят: критика Сталина. Он вытащил страну из Ж! О! П! Ы! Эти развякались, стоило ему дать дуба. При жизни-то рот открыть боялись.

Так вот, дорогая Оленька, если вы, мертвые, можете приходиться с того света, попроси Сталина, чтоб пришел к нашему папочке и вправил ему мозги. И придуркам из школы заодно. Тебя я уже не жду.

Очень злая,
твоя сестра Кейт

P.S. От методики тети Светы с исповедью дохлым родственникам через бумагу все так же ни холодно, ни жарко. Как и несколько лет назад. Исписала два листа А4 с обеих сторон, а легче не стало. Сколько их надо исписать, чтоб помогло, двести?»

ОНИКС

Он и не надеялся на научный интерес со стороны сотрудницы гадающего салона, но все обернулось как-то совсем плачевно. Что за слова он повторил за монстром? Это было какое-то русское ругательство? Тогда реакция «специалистки по снам» вполне объяснима, и не стоит ее за то винить.

Она приняла его за сумасшедшего. В чем-то это лучше безоговорочной веры каждому слову. Мадам Катрин большой скептик, а судя по вопросам, которые она задавала вначале, еще и психолог, неважно, профессиональный или доморощенный. Что она забыла в этом сомнительном салонышке?

Скоро она узрит.

Оникс впервые испытал настоящее желание поделиться своим даром (или проклятием?), хотя никогда еще до конца не понимал, как это будет происходить. Ничего зрелищного и не произошло, хотя в какой-то момент скульптору показалось, что он уже физически ощущает свое намерение в области лица и груди, это произошло в тот момент, когда в комнату ворвалась полная хозяйка салона и начала кричать на него... Тогда Оникс почувствовал, что это намерение отделилось от него, и, хотя он не видел этого движения, что-то вселяло в него уверенность о том, что дело почти сделано. Почти – потому что нужен физический контакт. Тогда Катрин узрит.

Хорошо, что он выбрал не Мари. Жена, как бы он хорошо к ней ни относился, слишком субъективна, а еще она тесно связана с ним, так что будет внимать каждому его слову о происходящем, а потом пугаться и просить прекратить все это. Эта незнакомая женщина из салона составит обо всем независимое суждение... Если, конечно, до того момента не сдастся добровольно в лечебницу или не покончит с собой – как Оникс и хотел сделать сам в первое время.

Никта вызывала у него двойственное ощущение. С одной стороны, она была первопричиной того зла, что он видел в мире и людях. С другой, благодаря Никте он и получил способность увидеть и осознать это зло. Она будто смеялась ему в лицо, говоря: «Видишь, что я создала? Видишь семя моей ночи? Я посадила его в первого человека, когда он покинул врата Рая, и повторила это с каждым, кто пришел на землю после него. Из каждого семени вырастают мои дети, имена им Ужас, Смерть, Ложь, Раздор и Дисгармония. Смотри, и не смей закрывать глаза!»

Оникс смотрел, полный отвращения... и восторга. Мощь Никты пленяла его. Все, что было сотворено в этом мире, ощутило на себе ее влияние. Раньше он видел истинный лик мира только ночью и поверхностно считал его отблески кошмарными снами. Теперь он видит его все время, она избрала его для этой чести. Его и, возможно, еще нескольких достойных, которых он пока не встречал.

Чем больше Оникс думал об этом, тем сильнее приближался к почти экстатическому состоянию, подобному чувству подростка, которому его мать вдруг разрешила смотреть, как она, обнаженная, принимает ванну.

Иногда отвращение пересиливало, тогда он начинал сомневаться в первичности Хаоса-Никты. Неподалеку отсюда была церквушка, в которой обитал христианский Бог. Бог, порожденный людьми (в свою очередь порожденными Никтой), или Бог, породивший людей и – по какому-то неясному попустительству – Никту?

Бог из церкви был куда более покладистым и дружелюбным малым, несмотря на парочку кровавых ветхозаветных легенд; потому и вызывал у Оникса большее доверие. Но, этот Бог почему-то не переносил свободомыслия и колдовства, даже направленного во благо. Поэтому Оникс, вздыхая, понимал, что выбора у него и нет, и снова возвращался к Никте.

Но не сейчас.

Оникс заметил, что лужи под ногами больше не были чернильными, их цвет был мутно-грязным, как и много лет назад. Они не поглощали свет и цвет, на их поверхности колыхалось отражение фонарей и домов, смущаемое постоянными ударами дождя, который тоже перестал быть черным.

Он посмотрел в небо. Паук, что раньше простирает свое тело над Парижем, был теперь полупрозрачен и походил на мираж или призрак. Скульптор даже раскрыл рот от неожиданности. Оникс раскрыл пакет, с которым тащился в салон от самого супермаркета. Там не было ничего странного, если не считать того, что надпись на «Кока-коле» превратилась в набор нечитаемых закорючек – сносное происшествие по сравнению с оторванными говорящими головами.

Неужели, готовясь передать Катрин свой дар, он действительно «разделил» его надвое, и теперь они оба будут видеть ослабленную версию того ада, в котором он жил все эти годы? Так не пойдет. Он хочет, чтобы Катрин видела полную версию.

Хотя, если по округе больше не будет носиться голодный многоколенчатый хищник, он готов согласиться на эти условия. Но, Оникс резонно подозревал, что хищник никуда не денется, просто он станет хуже видеть его.

Оникс решил не терять времени и насладиться бытием простых смертных. Он пустился в импровизированный танец прямо под ливнем посреди улицы, обняв в воздухе воображаемую партнершу. Дождь перестал казаться ему теплым, но Ониксу было все равно, он улыбался и вальсировал. Он попал в город, в котором по улицам ходили люди, а не монстры. И пусть эти монстры – истинные лица тех людей, он ничуть не жалеет о том, что перестал их видеть. Всюду лица, обычные человеческие лица – с глазами, носами и ртами. Эти лица поглядывали на него с осуждением, но все же старались изобразить равнодушие. В солнечный день Оникс привлек бы куда меньше внимания. Может, кто-то даже присоединился бы к нему, организовав незапланированный флэш-моб.

Так, пританцовывая, он и направился домой, на свой уютный чердак с маленьким квадратным оконцем на каждой стороне, переставший быть пещерой.

Статуи безмолвно и недвижимо смотрели каждая в свою сторону. «Какие же они уродливые», – неожиданно понял Оникс. – «Неудивительно, что их никто не покупает. Я бы и сам не купил, да и на выставку не пришел бы».

Он нашел в студии пару холстов и накрыл каждым по статуе, но остальные продолжали осквернять своим омерзительным видом его дивный новый мир. Оникс взял из шкафа в кухонном углу молоток, подбежал к одной из скульптур и ударил по ней изо всех сил. От статуи откололась голова, и из шеи теперь торчала только согнувшаяся проволока. Оникс бил скульптуру снова и снова, пока на его руке не повисла Мари.

– Что ты делаешь? Остановись, остановись!

Оникс опустил руку с молотком. Он ничего не ответил жене, только пнул осколки прочь от себя.

– Ты ведь так долго работал над ней, чем же она тебе не угодила? – причитала Мари. – О нет, любовь моя, только не говори, что ты хочешь разрушить их все!

– Именно, – ответил Оникс, мягко отодвинул жену и принялся молотить очередную статую. Мари закрывала лицо руками, она не хотела видеть этого бессмысленного вандализма.

– Пусть их никто не покупает, – сказала она, когда он превратил гидру в ворох черепков. – Они же не понимают, какой ты гений. Лет через десять поймут, и твои статуи будут стоить по сто тысяч евро каждая. А ты будешь смеяться, вспоминая ту историю, когда на твою выставку пришло четыре человека!

– Я не буду смеяться, пока я делаю вот этих уродцев, – он ударил следующую статую. – Только сам служу посмешищем. Пришло время делать кошек для дамских будуаров.

– Ты больше не хочешь лепить с моей натуры? – Мари удивленно подняла брови, и в следующую секунду изобразила глубочайшую обиду. Кто знает, может, ей и вправду было больно осознать это.

– Маленький творческий перерыв, Мари, – сказал Оникс, разделавшись с третьей скульптурой. – А потом я сделаю статую, глядя на которую ты и забудешь, где настоящая ты – в плоти или в глине.

– Ну, хорошо, – ответила та. – Но, пожалуйста, милый... Сделай небольшой перерывчик и еще раз все обдумай. У тебя же аффект... Ты не понимаешь, что творишь. Будешь делать кошек, собачек, да хоть жирафиков – но зачем старые-то разбивать? Давай отдохнем, выпьем кофе.

– Да не люблю я кофе! – вскричал Оникс, заставив Мари исчезнуть со сцены. Она решила, что лучше не спорить с человеком, у которого в руках молоток.

Оникс даже не подозревал, насколько легким окажется разрушение в сравнении с созданием, причем речь шла не о физическом чувстве. Его переполняла свобода, несмотря на то, что он готовился продать свой талант конвееру по производству шаблонных кошек.

– Мне больно, – услышал он нечеловеческий хрип. Скульптор обернулся и пошел на звук. Хрип исходил от крупного осколка – одна из голов гидры. – За что, создатель?

Оникс взял глиняную голову обеими руками. Гидра была не самым мерзким из его творений, хотя попала под горячую руку одной из первых.

– Хорошо, ты имеешь право на вторую жизнь, – сказал он, убрав голову статуи на полку. – Ты будешь как новенькая, стократ лучше прежнего. Не стыдно будет показать. Я тебе даже крылья сделаю...

Ноги его ослабели от усталости, а голова потяжелела. Перед глазами замаячила картинка, похожая на символ трезвонной масти; почему-то она вызывала у него тревогу. Возможно, Мари права. Утро вечера мудренее, можно и прилечь, а завтра разделить статуи на две группы – те, что еще можно спасти переделкой, и те, которые закончат свой жизненный путь в качестве осколков на дне мусорного бака. Оникс завалился на постель.

– Тебе лучше не спорить со мной, Мари, – сказал он. – Я тут вспомнил, как незадолго до нашей встречи уничтожил человека в России, сам при этом не покидая Франции.

Мари устала.

– Почему? Что он сделал?

– Мне? Ничего плохого. Но он обладал силой, которой был недостоин.

Он не упомянул другие мелкие обстоятельства того дня, которые делали всю ситуацию куда менее пафосной.

– Это был маг сорока с чем-то лет, с большим опытом, – продолжал Оникс. – Теперь представь, что я смогу сделать с тобой, если вдруг сочту нужным.

– Тебе не придется, – заверила Мари дрогнувшим голосом. Откровенность Оникса была неожиданной для нее, по сути, он только что впервые рассказал жене о своей жизни хоть какой-то факт.

Ее обидело, что этот факт был *таким*. Беспочвенная угроза. Разве Мари дала какой-то повод усомниться в ее лояльности?

Через пару часов Мари услышала его храп и поймала себя на мысли, что за четыре года совместной жизни ни разу не видела мужа спящим. Она всегда списывала этот факт на то, что Оникс – непревзойденный трудоголик, ложится позже ее, а встает раньше, выкраивая для работы каждый возможный час.

Храп бы настолько зычным, что мешал Мари работать. Она подошла к кровати и перевернула мужа на бок, к счастью, тот был далеко не тучного сложения. Лицо его, до того момента безмятежно-блаженное, подернулось нервным тиком, это заставило Мари вздрогнуть.

Она погладила Оникса по предплечью, и когда удостоверилась, что все в порядке, вернулась к работе.

Мари не знала, что в тот момент, когда она пошевелила тело Оникса, его глубокий сон стал более поверхностным, и в него прорвались жуткие голоса, раздавшиеся эхом в мозгу сновидца.

– Им больно! Ты убил их! Ты убил их!

Тогда он проснулся и вспомнил, что надо довести кое-какое дельце до конца.

Катрин

В дверь постучали.

– Месье Волко'в!

– Войдите, – пробормотала Катрин, подняв лицо от подушки.

– Месье Во... о... – в дверях застрял парнишка-официант, имени которого она не помнила. Как-то на Ж. Жан, Жак, Жерар, какая разница... Дверь захлопнулась, а Катрин снова опустила голову на подушку. Да, надо запереть дверь. Или хотя бы одеться. Мало ли что он сейчас подумает, увидев жену начальника полураздетой и с размазанным макияжем. А, плевать, что он подумает. Завтра тут будет уже другой Жан или Жак. Или Мукаса из Уганды.

Стоило ей надеть халат, как в дверь начали судорожно стучать. Катрин безо всяких вопросов отворила. Это был Максим, с порога потребовав у нее объяснений, что произошло. Пока она собиралась с мыслями и вспоминала, что это она должна заставлять его объясняться и просить прощения за глупые шутки, муж заявил:

– Жюль сказал, что ты пьяна.

– Я? Нет!

– А ну-ка подыши на меня! Фу, куревом несет. Да что с тобой такое?

– Это с тобой что такое? Подослал мне своего клоуна! «Катюшка-колючка», выдумать же надо такое! Разве красиво, бить по больному, ворошить покойников? Что я тебе сделала?

Она искренне надеялась, что под ее испепеляющим взглядом обвинителя Максим тут же повинится и пообещает, что больше так не будет, но реакция была прямо-таки противоположной.

– Что ты несешь, какие покойники? Да, ты не пьяна, ты обкурена!

– Неправда!

– Несешь херню, глаза красные, – он схватил ее за ворот халата и подтащил к себе.

– Я, может быть, из-за тебя и плакала, потому и красные?

– Зубы мне не заговаривай! Кто продал тебе эту дрянь?

За дверью послышалось шушуканье.

– Тише, тебя официанты слышат, – сказала Катрин вполголоса.

– Какая разница, все равно они ничего не понимают! И хорошо, что не понимают!

«Пойдем, у русских это нормально, не надо вмешиваться», – послышался голос из-за двери.

– Ты кем себя возомнил? Моим отцом? Царем? – Катрин удалось вырваться из его хватки. «Все понятно», – с горечью решила она. – «Он понял, что я его раскусила, но никогда не признается. Ему прошу обвинить меня в том, что я курю траву и галлюцинирую, чем признать себя неправым. Как вообще можно жить под одной крышей с таким человеком?» К горлу подступил комок.

– Да ты кем себя возомнила! Или ты забыла, кто тебя из деревни вывез?

– Да лучше одной сидеть в деревне, чем с тобой в Париже, – отозвалась она. – Тем более, что Париж этот – такая же деревня, только большая.

– Ишь ты как заговорила! А когда приехали, все щебетала: Эйфелева башня, Елисейские поля!

Можно было продолжать этот спор бесконечно, но Катрин устала от всего этого. Можно было перетерпеть, но одновременно с домашним скандалом на нее навалились Шанталь с ее вечной руганью и Поль с дурацкими шутками. А сверх того – дождь, сырая одежда и ощущение безысходности, будто бы так будет всегда, и из этого порочного круга нет выхода. Хотя, почему нет? Сейчас она из него и выйдет.

Катрин молча взяла в рюкзак и начала скидывать в него сухие вещи.

- Ну и? Что это за сцену ты устраиваешь? – спросил Максим.
«Не отвечать. Стиснуть зубы, найти расческу, смарт, перочинный ножик».
– Я же знаю, что ты все равно никуда не пойдешь в такой дождь!
«Где же этот чертов паспорт...»
– Тебе не шестнадцать лет для таких выкрутасов!
«Да, в шестнадцать смелости бы не хватило. Все, прощай, немилый дом».

Поход по непогоде в дождевике и непромокаемых ботинках оказался намного приятнее, чем сидение в душной подсобке. Так она и шла, куда несли ее ноги, не особенно следя за дорогой, а потом села в первый попавшийся автобус. Катрин было все равно, куда он повезет ее. Она снова сидела у окна и слушала музыку, впервые чувствуя себя свободной – не столько от обязательств, сколько от людей, вечно считавших себя правыми, и, прямо сказать, ничуть не уважавшими ее.

Вскоре дождь закончился, и Катрин сошла с автобуса, точно так же, наугад. Маленькие домики, река, мост. Где это она, в Альфорвилле? Катрин спустилась к реке, катившей свои темные воды. Реки и моря всегда манили ее, будто нашептывая о своей мощи, эта мощь пугала ее и в то же время притягивала. Поэтому она никогда не каталась на паромах и лодках, а уж на больших теплоходах – тем более. Ей было куда проще полететь на самолете, чем добираться куда-нибудь по воде. Вот наблюдать за волнами с берега – это пожалуйста.

Она села на доску рядом с водой. От реки веяло прохладой и странными запахами, Катрин не могла разобрать их. Над городом висел серп убывающей луны, изредка бросающий бледные отсветы на воду. Волны набегали на берег с тихим шуршанием, облизывая высокие ботинки Катрин. Кто-то беззвучно подкрался сзади – она не заметила этого.

«Как тихо и спокойно», – думала она, и это была последняя мысль перед тем, как веки ее смежила дремота – неожиданно для нее самой.

Катрин все так же сидела на берегу, но ее одолело странное чувство тревоги. Она осмотрелась, вокруг ничего не было. Тогда она взглянула вверх и увидела над собой странного человека с крылышками над ушами, больше похожего цветом и фактурой кожи на ожившую статую. Но он не был недвижим, как полагается статуям, он вяло шевелился, паря над ее головой, а одежды его, длинные и блеклые, развевал ветер.

– Кто ты? – спросила Катрин.

– Я – сон, – сказал тот.

– Онир? Или, быть может, Гипнос? – спросила она, протягивая руку вверх. Ее пальцы будто бы столкнулись с плотной преградой, которую тяжело было преодолеть без усилия. Тогда Катрин бросила попытки дотянуться до странного человека, и продолжала с любопытством изучать его. – Ладно, будешь Гипносом. Но я не вижу снов.

– Как, совсем?

– Да. Я сплю, но мне ничего не снится.

– Я приношу сны всем и каждому. Если ты не помнишь своих сновидений, это не значит, что их не было вовсе.

– Раньше у меня были сны. Потом я перестала их видеть.

– Каково быть толковательницей сновидений, которая не видит снов? – продолжал говорить с ней мужчина, похожий на статую. Он уселся рядом с нею, приобняв.

– Немного печально. Будто бы я немного неполноценна. Но жить можно. Потерять сны – это не потерять руку или слух.

– О, некоторые бы многое отдали за твою способность, способность забыть о сновидениях до конца своих дней.

– Странные люди, – проговорила Катрин, позволяя сну плавно перетечь из философского в эротический. В реальности муж не тропился удовлетворять ее чувства, так почему бы не расслабиться во сне?

В момент, когда удовольствию уже полагалось посетить ее в наивысшей мере, Гипнос прошептал ей на ухо: «О, теперь-то ты точно узришь». Чувство тревоги снова захлестнуло Катрин. Она преисполнилась отвращением к тому, чем занимается на грязном берегу, и вырвалась из объятий бледного наваждения.

Сон будто бы сгинул. Катрин долго не могла прийти в себя; ей казалось, что она до сих пор чувствует холодные прикосновения к губам, рукам и ногам.

Ее внимание привлек странный плеск воды, не такой, как раньше, когда волны ритмично бились о берег. Катрин захотела встать и уйти, но не смогла, будто что-то тяжелое держало ее на месте.

На поверхности воды показалось что-то круглое, оно приближалось к ней. Предмет стал увеличиваться и, наконец, поднялся над поверхностью воды. Это была человеческая голова с длинными волосами. В темноте лица было не разобрать, но Катрин откуда-то знала, что это ее сестра. Ужас охватил ее сердце липкими пальцами, но ноги все так же не слушались ее, не хотели нести ее прочь от этого места. Сестра выбралась на побережье и поползла к ней. Длинное платье тянулось следом по поверхности воды. Катрин захотелось кричать, но и крик застрял в горле. Она посмотрела вверх, чтобы попросить странного мужчину о помощи, но тот исчез.

Сестра дотянулась до ее ног и схватила за лодыжки. Катрин задрожала всем телом, это было единственное, что она могла делать – только биться в мелкой дрожи и смотреть, как нечто, похожее на ее сестру, выбирается из воды.

– Забери меня, – сказала пришелица. – Мне там так одиноко без тебя, сестренка.

– Нет, – еле прохрипела Катрин. Ее сердце билось так сильно, что, казалось, сейчас выскочит из груди или разорвется на части.

– Тогда я заберу тебя с собой!

Лицо сестры вдруг резко приблизилось к ней, как в какой-то кошмарной съемке, страшное, раздувшееся, посиневшее лицо. И Катрин проснулась, на этот раз окончательно.

Сердце билось все так же сильно, и она схватилась за грудь, переводя дыхание.

– Господи, – только и смогла пробормотать она. Ей действительно не снилось снов уже много, много лет. И вот первый сон за все это время – омерзительный кошмар.

Лунный серп вышел из-за тучи, осветив побережье. На кожаном ботинке Катрин виднелся мокрый отпечаток детской ладонки. Или это были брызги со стороны моря, а ее фантазия сама додумала остальное? Вздвогнув, девушка стерла его рукой, и тут же отругала себя за это – потому что теперь не могла быть уверена, привиделся ей отпечаток или нет.

Она поднялась на ноги, схватила рюкзак и побежала прочь от этого места. Дорога была абсолютно пустынная. Ну почему она сошла в пригороде, а не ближе к центру, где даже посреди ночи каждые несколько секунд проносятся машины?

На дороге показался желтый шевроле, чей цвет этой ночью и в этом пригороде выглядел неуместно. Катрин протянула руку, подавая знак водителю, чтобы тот остановился, но шевроле пролетел мимо. Следом вольво, ниссан, и еще один шевроле. Никто не замечал ее. Когда Катрин, отчаявшись, побрела пешком в сторону центра, рядом с ней, наконец, притормозил грузовик.

– А ты скромновато одета для своей профессии, – бросил ей водитель.

– Да пошел ты! – бросила ему Катрин, ускорив шаг. Но что с того человеку, который передвигается не пешком? Он продолжал ехать рядом с ней, подстроив скорость под ее шаг. Сворачивать было некуда, кроме как снова к воде, и Катрин побежала к реке по склону. Водитель прокричал ей вслед ругательство, хорошо, хоть не покинул свою уютную кабину, пытаясь догнать девушку.

Когда грузовик скрылся из виду, Катрин вернулась на дорогу, но остановить машину больше не пыталась, так и шла, пока на дороге не встретила круглосуточная забегаловка, тут

точно ей не будут являться выползшие из воды девочки. Она села в уголок, облокотившись на стену.

– Мадмуазель, вы должны сделать заказ, – сказал ей кассир.

– Тогда – стакан воды.

– Возьмете минералку «Перье»?

Катрин купила бутылку воды и засунула ее в рюкзак. Наконец ей позволено спокойно занять свое место в углу и провалиться в дрему под путаные мысли о тянущей боли внизу живота.

– Я и не знала, что ты окажешься такой предательницей, – проговорил обиженный голос. – Даже воды сестре родной не подаст.

– Оля? Опять ты, – проговорила Катрин. На этот раз дар речи остался с нею.

Оля открыла бутылку минералки, невесть как оказавшуюся у нее в руках, и жадно припала к горлышку. Теперь она выглядела не так страшно, как в прошлый раз, хотя все еще была одета в длинное и просторное платье, похожее на саван.

– Хорошо хоть, не забыла, как меня зовут, – проговорила сестра. – А то ты свое имя забыла, и зовешься иначе. Как же тебе его напомнить? Хм... Можно вырезать его на тебе бутылочным стеклом.

Катрин вскрикнула.

– Мадмуазель? Все о'кей?

– Д-да... Всего лишь кошмар.

Кассир снова потерял к ней интерес.

Напротив Катрин, на противоположном краю стола, стояла наполовину пустая бутылка минералки. Она опустила руку в рюкзак – там бутылки не было. Не обвинять же кассира в том, что он вытащил у нее из рюкзака бутылку, вылил часть, а потом поставил напротив, зная, какой ей приснится кошмар?

– Месье! – Катрин подбежала к кассе. – У вас там скрытая камера. Можно посмотреть запись с нее за последний час?

– А что вы хотите увидеть? Сюда никто не заходил.

– Я настаиваю.

– Эта камера все равно не работает, – тихо сказал ей кассир. По его лицу было видно, что он уже пожалел о сказанном и прикидывает, не соучастницей ли ограбления является эта мадмуазель, не подаст ли она сейчас в окно знак браткам с бейсбольными битами, мол, заходите, тут чисто? Катрин вернулась за столик, достала смартфон.

– Может, у вас хотя бы вай-фай работает?

Вай-фай работал медленно и грустно, но – хоть что-то. Катрин зашла в фейсбук, открыла поиск. Имя: Paul. Город: Paris. Возраст... Сколько ему может быть? Темнота искажает восприятие. Голос молодой, но люди бывают разные. С одинаковым успехом он мог родиться и двадцать, и тридцать лет назад. Ладно, все равно она не разобралась, где в фейсбуке фильтр по возрасту. Общих друзей нет, вуз и место работы она не знает, как тут можно искать человека?

Катрин пролистала список из нескольких десятков Полей. Дальше были еще сотни, а может – тысячи разных Полей, молодых и старых, бородатых и гладколицых, одетых в костюмы и пафосно обнаживших торс. Катрин закрыла фейсбук. Это бесполезно. Может, у него на аватаре вообще какой-нибудь пейзаж или человек-паук.

Но ей так много надо было ему сказать... В первую очередь, извиниться. Хотя, истинная причина – вовсе не в проснувшейся внезапно совести.

Письмо, сожженное в 2008 году

«Тетя Света!

Простите за ту сцену. Простите, что не успела извиниться при вашей жизни.

Вы так много для меня сделали! Но если честно, я все еще обижена за то, что вы меня тогда не забрали. Умом я понимаю, что у вас не было возможности, а сердцем все равно обижена. Так уж по-дурацки я устроена.

Мне кажется, что я скоро не выдержу и присоединюсь к вам. Так что, скоро увидимся.

Катя»

Оникс

Специфическое воспитание тщательно вбивало в голову Мари сознание того, что в мире нет вещи более отвратительной, чем секс, и что все мужчины в радиусе километра каждую минуту размышляют, как надругаться над ней и сбежать. С возрастом, уже выйдя из-под родительской опеки, Мари не только не избавилась от этого предупреждения, но еще более упрочилась в нем, с каждым знаком внимания по отношению к себе, даже самым безобидным, все глубже забираясь в раковину. Она носила бесформенную одежду и почти не пользовалась косметикой, но и это не спасало от взглядов «похотливых извращенцев» – а скорее всего, так только казалось ей самой. В то же время она страшно боялась остаться старой девой, в итоге в ее психике царил настоящий хаос противоречий.

Оникс оказался первым мужчиной, который не только не смотрел на нее похотливым взглядом, а вообще никак не смотрел. Мари была тем самым единственным посетителем, который пришел на его выставку не по приглашению агента. Ее внимание сразу привлек этот субъект, мрачный и направленный исключительно внутрь себя самого. Мать призывала ее остерегаться художников, фотографов и прочих творцов, поскольку те рождены были для того, чтобы заманивать в свои сети моделей и натурщиц, а потом насиловать их; но в скульптурах этого творца не было ни намека на сексуальность.

Каким-то чудом она пересилила себя и пригласила скульптора на ужин в недорогой кафешке, тот вяло согласился. Мари ожидала каждое мгновение, что вот-вот ее ожидания разобьются о Гоморру реальности, но этот человек все так же не раздевал ее взглядом и не тянул свои ручищи под столом, чтобы полапать за коленку. Еще несколько таких свиданий, и Мари решила предложить скульптору жить совместно. С таким идеальным экземпляром, думала она, надо сразу брать быка за рога, пока кто-нибудь пошустрее не присвоил его себе.

Шли дни, месяцы, даже годы, а максимальным проявлением страсти между этими названными супругами были только пуританские поцелуи и объятия, да и то редкие. Мари все устраивало, но время от времени она ловила себя на мысли, что хочет этого самого надругательства над собой, она хочет, чтобы ее тело воспринималось желанным.

Она перестала рядиться в одежду, похожую на мешок с прорезями для рук, и забила целую полку косметикой, но ничего не помогало. Тогда Мари вспомнила тот самый день, когда они впервые встретились, она вспомнила жеманного агента по имени Стефан, который называл ее будущего мужа не иначе, как «дорогой» и сделала для себя горькие выводы. Но, никаких слов о своих догадках она не произнесла и продолжала жить как прежде.

Где уж ей было знать, что как только она приближалась к Ониксу, он начинал видеть в ней чудовищ, напрочь отбивавших у него малейшее желание?

Непросто описать чувства Мари, которые она испытала, проснувшись от того, что с нее стягивают трусы. Сначала ей подумалось сквозь сон, что в дом забрался бельевого вор, в следующее мгновение она все поняла и испытала ужас. Все потаенные мечты, которые она считала стыдными и грязными, грозились исполниться прямо сейчас, и Мари тут же пожалела, что такие мечты вообще закрадывались в ее голову. Она попыталась вырваться, причитая: «Я не хочу! Не сейчас!»

Ее образ снова начал искажаться для Оникса, проступили клыки, нос сморщился и сплюснулся, а уши заострились.

– Не думай, что сможешь испортить мне кайф, – сказал скульптор чудовищу и закрыл глаза. К счастью, на ощупь под ним все еще было женское тело, никакой шерсти или чешуи. Резинка на трусах лопнула, и Мари притихла, смиренно принимая свою участь.

В момент наивысшего наслаждения Оникс опять услышал тот чужеродный голос из сна:
– Мне больно!

Когда он плюхнулся обратно на кровать, Мари повторила те же слова, на этот раз уже своим голосом:

– Мне больно.

– Боль очищает, – безразлично отозвался скульптор, устремляясь в ванную. Ванной им служил отсек студии, отделенный ширмами. Да будет славен тот человек, что провел воду на чердак, потому что сам Оникс не сумел бы этого сделать даже с инструкцией для чайников.

Мари решила обидеться на его равнодушие и села писать длиннейший пост в интернет-дневнике о своих чувствах. Чем больше она писала, тем глубже Мари обуревала смесь жалости и отвращения по отношению к самой себе. Когда она вволю выплакалась своим фрэндам со всего мира, оказалось, что вода в ванной давно перестала шуметь, а Оникс уже ушел из дома, что еще более повергло ее в смешанные чувства.

Он действительно забыл о ней, его занимало все вокруг – лужи на асфальте, стены домов, фонари и урны – все это вдруг стало простым, мирным и не несло в себе опасности. От осознания этого факта Оникс чувствовал себя пьяным на трезвую голову. Он не понимал, как раньше считал свое видение даром, ведь оно было сущим проклятием. Сейчас все поменяется, он сделает новые скульптуры, которые Стефан, наконец, сможет продать. Он купит Мари что-нибудь, она заслужила это своим терпением, которое оставалось для Оникса загадкой каждый раз, когда он на недолгие моменты выныривал из своего персонального ада и вспоминал о том, что живет на планете Земля.

Закончив восхищаться почти стабильным Парижем, Оникс вспомнил о своей цели. Он вышел из дома, чтобы снова найти Катрин – уже прозревшую, и спросить ее, каково это, быть первой безумицей на районе? Нет, он все сделает не так. Он деликатно попросит ее поделиться своими впечатлениями. Стоит завести дневник для исследований и записать все, что она скажет, а потом сравнить со своими воспоминаниями. Почему он раньше такой не завел?

Он пришел к салону Бонне, но оказалось, что тот открывается только вечером.

– Она больше сюда не придет, – сказала Ониксу его тень, приобретшая очертания мохнатого гиганта, который вчера облизывал Катрин своим язычищем.

– Где же мне ее искать? – спросил скульптор.

– Спроси у тех, кого ты убил, – ответила тень, приняв обычный вид.

– Какие мы злопамятные, – усмехнулся Оникс. – Я их породил, мне и решать, жить им или нет. «Да будет тьма», сказал творец, и этот творец – я.

Тень шелохнулась, но больше ничего сверхъестественного не происходило. Дворник, увидевший, как неизвестный разговаривает с пустотой, предпочел считать, что тот общается по маленькому скрытому микрофону, хотя рука так и тянулась покрутить пальцем у виска.

Возвращаясь на чердак, он услышал странный шум на лестничной клетке. Оникс ускорил шаг, и вскоре увиденное заставило его броситься вперед со всех ног. На лестничной площадке перед чердаком одна из оживших статуй, из тех, что он не удосужился разбить, держала Мари в цепкой хватке. Вокруг шеи женщины обернулся хвост статуи, длинный и тонкий, как веревка. Мари билась в панике, но тварь только сильнее сжимала ее. Оникс вспомнил, как лепил этот хвост на проволоке, и проклял тот день.

– Сделаешь шаг, и она умрет, – еле слышно прошелестела статуя. Оникс сначала остановился, а затем снова побежал вверх по лестнице.

– Блеф. Сейчас ты разлетишься на мелкие кусочки, как и твои собратья!

Статуя в последний раз сжала шею Мари, так сильно, насколько смогла, и сбежала на крышу через приоткрытое окно.

Тело Мари, обмякнув, повисло на руках Оникса. Ее лицо было страшного бордового оттенка, она еле дышала и не откликалась. Скульптор разрывался между звонком в «скорую» и сильнейшим желанием скрыть произошедшее. К сожалению, Мари становилось все хуже,

и Оникс скрепя сердце набрал номер скорой помощи. Он положил Мари на площадке, а сам поднялся на чердак, вдруг медикам понадобятся какие-то ее документы.

Все статуи исчезли. О том, что они вообще были на чердаке, свидетельствовали только останки разбитых скульптур, да голова гидры на полке.

– Что произошло? Где они все? – спросил Оникс у гидры.

– Я бы тоже сбежала, если бы мои ноги еще были целы, – отозвалась глиняная голова.

– А Мари? Что это – месть?

Гидра промолчала. Оникс сел на стул перед окном и уставился на дождь. Стоило в его жизни появиться единственному просвету за столько лет – и на тебе. Послышались разговоры – кто-то из соседей нашел тело, хорошо хоть, подоспевшие медики нашли ее раньше. Оникс не счел нужным встречать их, его глаза опять начали слипаться и он задремал под шум дождя.

Он очнулся, когда кто-то начал трясти его за плечо. Это был полицейский.

– Месье, нам придется вас задержать.

– А? За что?!

– Вы обвиняетесь в изнасиловании и доведении до самоубийства.

Катрин

Еще вчера ей казалось, что ничего не может быть хуже постоянного давления со всех сторон без возможности отстоять себя. Сегодня же она понимала, что нет ничего хуже состояния, в котором ты боишься заснуть – а стоит только сомкнуть глаза, как мир вокруг заполняется кошмаром.

Сигареты, как назло, остались в сумке, а сумка – в подсобке кафе «Максим» далеко отсюда. Одно хорошо – не надо идти открывать кафе, вставать за стойку, улыбаться незнакомым людям, которые ничего не сделали для того, чтобы заслужить ее, Катрин, улыбку. Максим постоянно заставлял улыбаться ее во все тридцать два, отчего у Катрин сводило челюсть. Ей оставалось только соглашаться, надевать на себя дружелюбный оскал и с ностальгией вспоминать, что в ее родном Энске персонал улыбался посетителям разве что в самом элитном ресторане, на который их забегаловка не походила даже отдаленно. Шанталь в салоне хотя бы не настаивает на том, чтобы на сидела с восторженным выражением лица несколько часов подряд.

– У вас не продается сигарет? – спросила она без особой надежды. Кассир ответил отрицательно. – А лично у вас не найдется?

– Нет.

– Еще один повод бросить, – отшутилась Катрин, прощаясь с кассиром. За эту ночь она выпила не меньше литра черного кофе, растворимого – другого здесь не водилось.

«Скоро я буду выглядеть как Польша. Такой же растерянный взгляд, нервные руки. Приобретенная беспомощность, как у тех собак, которых запирают в клетке и бьют током... Даже если двери клетки отпереть, они никуда не побегут, привыкнув к своему бессилию. Так и я, буду лежать где-нибудь под мостом и скулить, свернувшись в клубок».

Она пораздумала над вариантом, предполагавшим возвращение домой. Максим ей виделся достаточно наказанным за свое несносное поведение, тем более что он не был виновен во вчерашнем розыгрыше... Который оказался вовсе не розыгрышем.

Может ли быть безумие заразным? Или она и вправду была вчера под действием наркотиков? Кто-то подсыпал их ей, почему бы и не тот же Польша, только она потом забыла, как пила отравленное варево. Но, что-то подсказывало Катрин, что она была совершенно и трезва и дееспособна, хоть и не могла найти происходящему ни малейшего объяснения.

Если так, кошмары достанут ее и дома. Не хотелось бы закончить свои дни в лечебнице для душевнобольных.

Катрин достала из кармана мобильник. На часах – около восьми утра. Ни одного неприятного вызова или сообщения. Она ожидала, что смартфон будет дорожать от вибровозвонка каждые несколько минут, но муж даже не пытался ее найти или хотя бы спросить, как она там. Это разозлило Катрин. «Ну же, давай, хотя бы один звонок, который я не приму!»

Она уставилась на экран с черно-белым цветком на обоях, будто бы искомая смс-ка или звонок должны состояться с минуты на минуту. Ничего не происходило. Только тянущая, унылая боль снова разлилась по животу.

Когда Катрин уже взяла смартфон в руку, чтобы убрать его в карман, тот зажужжал. Она непроизвольно нажала «Принять» и поднесла мобильник к уху, не взглянув, от кого поступил звонок. В голове вертелась только одна мысль: «Черт, я же собиралась игнорировать его звонки!»

– Алло?

– Все еще считаешь сны благом? – произнес мужской голос.

– Кто это?!

Из динамиков раздавались только гудки. Катрин открыла «Историю», чтобы найти номер, с которого был совершен звонок, уже зная, что там ничего не будет – и ее ожидания подтвердились.

«Я что, опять заснула?»

Нет, впереди – заправка, сзади – забегаловка, все цивилизованно и мирно.

«Каковы шансы, что Поль снова придет в салон Бонне?» Никаких. Скорее всего, он будет обходить это место за километр, и всем своим друзьям сделает антирекламу сего незамечательного заведения. Хотя у него вряд ли есть друзья.

У Катрин их тоже не было – не то что друзей, а даже приятелей. С тех пор, как она приехала во Францию вместе с Максимом, она ни с кем, кроме него, так толком и не общалась, а с работниками кафе и салона перекидывалась парой слов по делу, и все. Выговориться, кроме этого таинственного Поля, было некому.

«Да зачем он мне нужен? Он ведь все равно не знает, как справиться со всем этим... Зато, видимо, знает, как передать свое проклятье кому-то еще. Или это произошло неосознанно? Или... он не поделился со мной проклятьем, а отдал мне его, за то, что я не поверила ему! Вот засранец-то, а...»

Она обнаружила себя на незнакомой улице – видимо, сознание отключилось на ходу, пока еще недостаточно для того, чтобы в ее ум снова начали лезть кошмары. Зелень парка, свежая после дождя, выглядела привлекательно, и Катрин прошла в ворота и уселась на лавочку. Ветер трепал ветви, сбрасывая с листьев капли, оставшиеся после дождя. Несколько капель попали Катрин за шиворот, и она поморщилась, вспомнив тот мороз по коже в комнате салона, которое Поль трактовал как прикосновение черного монстра. Интересно, разным людям являются разные кошмары? Увидит ли она потом этого монстра, или ей суждено встречаться только с призраком сестры, да еще с несколькими личными галлюцинациями?

– О, какая встреча! Мадмуазель! – проговорил старческий голос ей прямо в ухо. Катрин удивленно обернулась, но никак не могла вспомнить, где она видела этого почтенного человека.

– Прошу прощения?

– Тысяча девятьсот десятый год, и люди в лодках посреди Парижа! – воскликнул старик, присаживаясь рядом.

– А, это вы были там на остановке, – осенило Катрин. – Действительно, встреча так встреча...

– Вы мне не рады? – погрустнел собеседник.

– Рада, конечно, но у меня была не самая приятная ночь. Так что извините, если я вам не улыбаюсь.

Катрин понадеялась, что старик не подумает ничего лишнего после фразы о ночи.

– Дождь закончился, – продолжил тот. – Меня это даже разочаровывает.

– Что вообще в этой жизни нас не разочаровывает? – ответила Катрин. – У вас не найдется прикурить?

– Нет, я за здоровый образ жизни, потому и дожил до своих лет. Чего и вам советую, мадмуазель, вы уж не считайте за нотацию. Что же касается разочарований... Вот у вас есть дети?

– Нет, – отозвалась Катрин, уже зная, к чему старик будет клонить.

– В том-то и проблема. Самая большая радость человека – она в детях, а потом в детях их детей. На улице, бывает, слякоть, дождь, холод, а я приду домой, достану фотографии Шарля, Гийома и Огюстины, глажу их, и сразу тепло на душе. Потом Антуана фотографию достану – это гийомов сын, и Дидье с Сюзанной – это уже Огюстины, и смотрю, смотрю... А Шарль, как и вы, по тем же стопам идет, бездетным. Да и остальные мало детей завели, один да два. У меня их пятеро было. Еще Серж и Катрин, но после войны худо было в стране, не выжили.

– Меня тоже зовут Катрин, – вдруг произнесла та, прерывая поток воспоминаний старика. Тому, видимо, совсем выговориться некому.

– Удивительно! – вновь восторгнулся старик. Он в свои семьдесят (или восемьдесят?) казался куда более живым, чем Катрин в ее двадцать с хвостиком. – Моя Катрин была бы, конечно, старше вас. А я, кстати, Жан, – он легко пожал руку Катрин. Его ладонь оказалась довольно холодной, так что Катрин после рукопожатия спрятала руки в карманы, чтобы скорее отогреть их. – Старый Жан вам поведал свои мысли, поведаете ли вы свои старому Жану?

«Мы вряд ли еще встретимся, так что нет смысла его стесняться», – подумала Катрин, и выложила тому вкратце свою историю. Не о покойной сестре, вдруг вздумавшей являться ей, нет. Она рассказала старику, как студентка Катя еще в России встретила Максима – мужчину, годящегося ей в отцы, как выскочила за него замуж, чтобы поскорее съехать из опротивевшего ей дома. Она считала, что человек в его возрасте уже должен хорошо разбираться в жизни – ровесников Катя находила поверхностными и несерьезными. Со временем она поняла, что сделала большую ошибку – Максим находил ее инфантильной ровно настолько, насколько она видела эту черту в своих одноклассниках и друзьях. Со временем ему удалось привить ей полную зависимость от своих решений, и когда он заявил: «Катя, мы уезжаем из этой гребанной страны», та даже и не подумала – считает ли она сама свою страну гребанной, или ей и здесь прекрасно.

Она не знала французского языка, да и о самой стране имела весьма поверхностное представление: Эйфелева башня, лягушачьи лапки, картавая «р», Наполеон, Пьер Ришар... Катя тогда только-только закончила учебу и нигде не успела поработать. Так по специальности ей работать и не довелось – сначала она стояла за стойкой в их кафешке, потом выпросила для себя возможность уходить по вечерам на подработку в салон Бонне. С доходов от кафешки Максим выделял ей совсем уж жалкие суммы, но, признала она честно, он и себе оставлял не так уж много, отдавая большую часть прибыли на рекламу. Реклама представлялась ей таким гигантским унитазом, куда Максим бросал заработанные деньги, а потом с энтузиазмом нажимал на смыв снова и снова. Толку с нее было на полпальца. Максим бесконечно пилит Катрин (уже всюду представлявшуюся новым именем) на тему ее мрачного выражения лица. Мол, если бы она чаще улыбалась, клиентам хотелось бы чаще возвращаться в их заведение.

– Он постоянно пилит меня. Причем больше надуманно. Вчера выдал номер – обвинил меня, будто я наркоманка, а я в жизни не видела наркотиков, даже марихуану не курила! И я молча собрала вещи вот в этот вот рюкзак, а потом ушла из дома, – закончила Катрин свой рассказ.

– Вам есть, где остановиться? – спросил Жан, призадумавшись.

– Нет, месье. У меня нет друзей во Франции.

– Я не предлагаю вам остановиться у меня, – поспешно добавил старик. – По-дружески интересуюсь. Вот что я вам скажу, Катрин... Цените того человека, что вас любит. Цените, пока он есть, несмотря на все его недостатки. Ведь вы и сами несовершенны. Совершенные – они там, – и старик показал пальцем вверх, в небо.

На лице Катрин изобразилось легкое замешательство и сомнение.

– Куда сейчас направитесь, домой? – спросил старый Жан, довольный, что заставил собеседницу задуматься.

– Нет, мне надо найти одного человека. Только я даже не представляю, где он может быть...

– Да что там искать, в участке он. Полицейском участке, в смысле, – сказал старик, и затем назвал точный адрес.

– Откуда вы знаете? – недоверчиво нахмурилась Катрин.

– Некогда объяснять, Катрин, – ответил тот. – Сам-то я, в отличие от вас, непоседы, уже собираюсь домой.

Старый Жан встал с лавки, снял шляпу в знак почтения, прощаясь, и... пошел по невидимой лестнице вверх. Катрин, ошеломленная, смотрела вслед старику, пока он не скрылся в облаках, а потом вытащила мобильник и написала сообщение: «Макс, у меня все ОК. Мне надо немного побыть одной».

Письмо, сожженное в 2009 году

«Мама,

Я тебя совсем уже не помню. Только по фотографиям. Но я никому об этом никогда не скажу. Стыдно не помнить свою маму. Память на лица у меня так себе, ничего не могу поделать. Да и вообще память ни к черту, я постоянно не высыпаюсь. Может, раньше я тебя помнила, а теперь забыла, и из головы сгладилась даже тот факт, что я тебя помнила?

Депривация сна – это когда человек не спит долгое время. Говорили недавно на лекции. Его память снижается в разы. Я не вижу снов, но не знаю, можно ли считать это особым сортом депривации. Все-таки я сплю. Не решилась спросить у лектора, он неприятный тип.

Скоро вторая сессия. Думаю, сдам в срок. Не на «отлично», но на «хорошо» точно будет... По вечерам сижу на кассе в супермаркете. Прости, что не стала актрисой. Ты всегда говорила, что у меня талант, но память, как ты уже знаешь, отвратительная, так что я не смогла бы запомнить даже абзац речи. Куда тут до монологов Офелии и Татьяны Лариной? Мне пришлось бы играть одних глухонемых. Сдавать экзамены проще. Главное – понимать материал. Зубрить с такой дырявой головой у меня все равно бы никогда не вышло.

Еще актерам постоянно приходится быть среди людей: режиссеров, гримеров, коллег и на виду у толпы зрителей. Не представляю себя среди кучи народу. Не люблю столпотворения. У всех этих людей будет настоящая каша в голове. Режиссер будет психовать, что фраза сказана на полтона выше, продюсер будет психовать из-за финансирования, а моя коллега по площадке наверняка раззоется из-за прыща на носу. Люди беспокоятся не о том, что действительно стоит беспокойства, и заставляют всех окружающих разделять их стресс.

Но, скажешь ты, что мне-психологу придется слушать о чужих проблемах по восемь часов в день. И тут мы приходим к самому главному! Психолог не только слушает о проблемах, он помогает их решить.

Не переносу нытиков. Признаюсь, я тоже нытик. Но я хотя бы не заставляю других слушать свое нытье! И мое нытье меня не истязает, как других. И я хочу, чтобы остальные люди перестали истязать друг друга и себя.

Меня раздражает, что отец не мог взять себя в руки сначала после твоей смерти, а потом после оливок. Он годами топил себя в бутылке, будто для него все кончилось, а я смотрю и не могу ничем помочь. Вот главная причина, почему я хочу стать психологом.

Мама, он просто невыносим! Думает, что стал от этого отцом тысячелетия только оттого, что ни разу не тронул меня пальцем. А сколько он выпил моих нервов за эти годы? Мне кажется, от них ничего не осталось, одна труха на том месте, где были эти нервы. Он никогда ничем не бывает доволен, хотя я делаю по дому ВСЕ, а он только устраивает срач. Я хожу в старье, работаю одновременно с учебой, покупаю вещи, а он их продает, стоит мне выйти за порог. Постоянно орет матом.

Этой зимой он уснул на улице в минус тридцать и отморозил руку. Ему дали инвалидность и пенсию. Отец и рад, вот деньги лишние появились, чтоб пропить. Потом надоело радоваться, стал винить меня. Будто моя вина, что я не искала его ночью по всему городу, и он руку отморозил. У него всегда все виноваты, кроме него самого. Почему-то он уверен, что мне, в отличие от него, классно живется. А мне теперь приходится еще и ухаживать за ним, разве что жопу не подтирать.

Боже, мама, я ведь на самом деле уже не верю, что смогу ему помочь. Тут не справится консилиум всех наркологов мира, так куда я мечу? Психолог – даже не врач. Отцу поможет только ампула с ядом, вшитая под кожу. Чтобы он знал, что подохнет, если прикоснется к бутылке. Но на это нужно его разрешение. Он никогда его не даст, он лучше и ноги отморожит, чем закодируется!

Если меня спросят, кого я ненавижу больше всего, так это его. Я хочу, чтобы он умер, чтобы он упился до чертей и вывалился в окно, или его сбило бы машиной. Пусть! Он! Подохнет! Это полный деградант, это не человек больше. Большой грех так думать, но я ничего не могу с собой поделать. Прости меня за это.

И прости, что я тебя забываю, когда не смотрю на фотографии. Наверное, я одна на всем свете настолько дырявоголовая.

С любовью,

Катя»

ОНИКС

Для полиции все было прозрачно. Сожитель изнасиловал потерпевшую, Мари Блен, двадцати восьми лет, безработную. Та довольно эмоционально описала произошедшее в своем блоге. Ее ноутбук был демонстративно открыт на этой же странице дневника и повернут к двери, так что запись сочли предсмертной запиской. Второй уликой было порванное белье потерпевшей, найденное под кроватью.

Экспертиза подтвердила наличие полового акта между Мари Блен и задержанным незадолго до ее попытки суицида, многочисленные побои на теле женщины подтвердили, что акт был насильственным. Когда сожитель вышел из дома, женщина повесилась на лестничной площадке. Веревку так и не нашли, видимо, задержанный избавился от улики.

Он же вызвал скорую помощь, найдя тело, соседи вызвали полицию. Потерпевшую увезли в больницу, ее сожителя – в отделение.

– Эй, Рено! К тебе посетитель! – прорезали слова ожидание.

Оникс прошел в комнату, отведенную для свиданий, и с удивлением обнаружил там Катрин из салона Бонне.

– Так вас зовут Рауль, – сказала она. – Я спросила, не задерживали ли они некоего Поля... Подумала, что вряд ли Поль сидит здесь, потому что работает на благо правопорядка. Мне сказали, что никакого Поля тут нет. Тогда я описала внешность Поля, и вот неожиданность – к ним только вчера попал некий Рауль Рено, идеально подходящий под мое описание.

Оникс решил не уточнять, откуда Катрин вообще узнала, где его искать. Ответ был очевиден: ей подсказал кто-то из уличных монстров.

– И каким же было ваше описание?

– Только три слова. Тощий, нервный, потерянный. Ладно-ладно, я описала им цвет и длину волос, форму носа и все такое. Как бы то ни было, Рауль, я вас не сужу за ложное имя. Все-таки я – толковательница снов, а не священник.

– Меня зовут не Рауль, – ответил тот. – Вы можете называть меня Оникс. Это прозвище так ко мне приклеилось, что впору менять паспорт на это имя.

– Астерикс, Обеликс и Оникс, – пробормотала Катрин. – Как изволите. Но, я пришла говорить не об этом. Во-первых, я хочу извиниться перед вами. Я прогнала вас из салона, потому что вы сказали одну фразу... Фразу из моего детства. Я решила, что вы пришли подшутить надо мной, а все рассказы о кошмарах и монстрах нужны были только для того, чтобы меня запутать.

– Понятно. А во-вторых?

– «Во-вторых» объясняет то, почему я извиняюсь насчет «во-первых». Теперь я тоже вижу кошмары. Над чем вы смеетесь?

Да! Она прозрела! Никта поцеловала эту девушку его устами. Катрин думала, что может так легко вышвырнуть его из своего салона? Пусть посмотрит, как легко он смог вышвырнуть ее из привычного мирка.

– Как вам паук над городом? – поинтересовался он светским тоном, отсмеявшись.

– Какой паук? Не видела я никакого паука.

– Еще увидите.

Воцарилась неловкая пауза, которую прервала Катрин.

– А за что вы здесь?

– Они считают, что я изнасиловал и избил свою жену, а потом она повесилась с горя.

Катрин сразу посуровела.

– Это правда?

– Готов поклясться, она этого хотела. Мари постоянно намекала мне об этом.

– Не могу представить себе женщину, мечтающую о насилии и побоях.

– Да не избивал я ее! – крикнул Оникс.

К ним направился полицейский.

– Все нормально, офицер, – сказала ему Катрин, и тот снова занял позицию у двери. – Вы совсем не умеете держать себя в руках, – адресовала она уже Ониксу.

– Я посмотрю, как вы будете держать себя в руках, когда поживете в Аду с мое.

– Но если вы не виноваты, с чего она повесилась?

– Она и не вешалась. Ее пытался придушить один из этих монстров, но поди объясни это полицейским.

– Выходит, вас теперь посадят?

– Я жду, что Мари как-нибудь объяснит полиции это недоразумение, когда очнется.

– Так она выжила? Слава Богу, – Катрин испытала настоящее облегчение, поняв, что эта неизвестная женщина еще жива. Не потому, что Катрин была такой соперничающей, а потому, что теперь она и сама теперь страшилась быть убитой «кошмаром». Хорошо, если от них можно как-то спастись, как удалось этой женщине, его жене. – Рауль... То есть Оникс. Вы давно видите эти кошмары наяву?

– Вам лучше не знать, насколько давно, – ответил Оникс мрачно. – Если вы пришли узнать, как от них избавиться, то только потратили время. Я не знаю, как забыть их. Или даже как ослабить...

– Особенно красноречиво об этом говорит ваш взгляд вверх и вправо, – усмехнулась Катрин. – Давайте, выкладывайте, что знаете.

– Катрин, вы не по адресу. Я ничего не знаю. Если бы я знал, я бы не пришел к вам в салон. Я искал у вас ответов, и, как вы помните, был весьма расстроен, осознав, что этих ответов у вас нет.

В дверь вошла одна из ониксовых статуй, похожая на Чужого. Она продефилировала мимо полицейского и теперь стояла за спиной Катрин. Статуя подняла лапы и изобразила ими движение, будто бы сворачивая шею кому-то невидимому.

– Я скажу больше, – добавил Оникс, – придя сюда, вы навлекли на себя смертельную опасность. Так что – вдвойне зря вы решили со мной встретиться.

– Почему это?

– Монстры хотят отомстить мне. И, в лучших традициях вендетты, они стремятся убить не меня, а моих близких. Вы, видимо, следующая на очереди после Мари.

– Мы и рядом не близки друг другу, – отметила Катрин. Статуя-Чужой все также продолжала стоять в полуметре от собеседницы, а она и не подозревала об этом.

– Но статуям-то откуда об этом знать?

– Каким статуям?

– Моим. Я скульптор. Мои статуи ожили, вышли из-под контроля, разбежались по Парижу и убивают людей, – размеренно сказал Оникс, страшно довольный от того эффекта, каковой произвели его слова на Катрин. – Вот, навестила меня какая-то мадам в полицейском участке, не сестра, не матушка, значит – близкая подруга, значит – уберем ее, пусть старина Оникс страдает и винится.

– Вы так спокойно говорите обо всем этом, – смогла наконец сказать Катрин. Статуя удалилась через ту же дверь, в которую вошла.

– А что вы посоветуете мне делать? Рыдать, срывать с себя наручники, биться головой о стол? Как это поможет ситуации? Я смогу изменить ее только в том случае, если Мари даст показания в мою пользу.

– Я думаю, что вам просто все равно, – сказала Катрин, поднимаясь на ноги. – Монстры же собираются убить не вас, а каких-то женщин. И наплевать, что одна из них – ваша

жена. Вам важно только то, даст ли она показания. Думаю, если она все-таки не станет вас оправдывать, мир не слишком пострадает.

– Разбежалась, – процедил Оникс. – Я скульптор, я могу сделать этот мир прекраснее. Я создаю новое. А что могут сделать для мира копирайтерша и гадалка из вшивого салона?

– Могут не быть куском дерьма, – дружелюбно и нараспев произнесла Катрин, и вышла прочь из комнаты.

Руки Оникса сжались в кулаки, а кровь застучала в висках. Как жаль, что он не смог объяснить этой недалекой девке, в чем разница между творцом и потребителем творения. Но ничего, она еще приползет к нему, умоляя о помощи, когда монстры доберутся до нее.

– Не убивайте ее, – сказал он в пустоту. – Но, я буду не против, если вы ее помучаете.

– Что ты несешь? – спросил полицейский, конвоировавший его в камеру. Вопрос остался риторическим.

Пока Оникс мило беседовал с Катрин, камера изменилась. Теперь она выглядела раза в два больше и в длину, и в ширину, у стен появились странные приспособления, похожие на инструменты для пыток. Да и сам полицейский, до того, как скрыться за решетчатой дверью, преобразился в осла в рясе.

В камере сидели монстры, кружком на корточках.

– Привет, старые знакомцы, – сказал он им. Монстры нецензурно обругали вошедшего и вернулись к игре в карты. – У меня для вас кое-что есть... Маленький подарок от месье Оникса для каждого из вас. А может, вам сегодня повезет, и рождественский приз обойдет вас стороной. Это уж как месье решит.

Монстры принялись обсуждать, стоит ли проучить психа, или лучше не связываться. Оникс сел в углу в гордом одиночестве, и монстры постепенно потеряли к нему интерес. С потолка начала капать кровь, никто, кроме Оникса, ее не видел. Вскоре этой крови натекли целые лужи, еще через четверть часа весь пол был в крови, и вскоре ее набежало по щиколотку. Скульптор понял, что его дар не разделится надвое во время передачи его девке из салона, он лишь временно ослаб, а теперь снова работает в полную силу.

Монстры продолжали играть в карты. Из стен вылезли младенцы, сморщенные и синие. Оникс никогда не понимал матерей, прижимавших к себе новорожденных детей и к тому же умиляющихся. По его мнению, младенцы походили на пришельцев из кино, только пришельцы были куда симпатичнее. Младенцы звали какого-то Тедди и беспорядочно ползали, как слепые котята, натываясь то друг на друга, то на стены и скамьи. Когда один из них наткнулся на ногу монстра в середине комнаты, тот машинально хлопнул по лодыжке, будто убивая севшего на него комара.

– Они кричали, Тедди? Они кричали? – громко спросил Оникс. Монстры повернулись в его сторону, один из них привстал.

– Кто? – прохрипел он.

– Дети. Младенцы.

– Я тебе сейчас покажу младенцев, псих!

Оникс отключился от первого же удара.

Катрин

Незнакомая девушка прильнула к стеклу в автобусе и сказала по-русски:

– Вот и он, город мечты!

– Да какой город мечты, – подала голос Катрин. – Большая помойка.

– Каждый видит только то, что хочет видеть. Если мусор в голове, то езжай хоть на Гавайский пляж, хоть на Луну, всюду будет помойка, – откликнулась незнакомка и опять уставилась в окно.

Катрин разозлилась, но вскоре мысли о последнем разговоре с Ониксом отвлекли ее. Она надеялась, что статуи – или кто там начал за ней охоту – слышали их ругань и взаимные оскорбления. Если ее план удался, чудовища больше не считают ее близким скульптору человеком, а значит, им придется выбрать для мести другую цель.

Сонливость и мерное укачивание смежили Катрин веки.

– Думаешь, я про тебя забыла? – на соседнем ряду снова сидела ее сестра, на этот раз явившаяся в обычной уличной одежде.

– Это ты забыла, что уроки пора учить, – вдруг выпалила Катрин. – Не мешай сестре, она, в отличие от тебя, делом занята.

Сестра обиженно надула губы и вышла на следующей остановке. Катрин боялась радоваться, что нашла средство против своего кошмара, боялась погрязнуть в ложной надежде. Вскоре она заснула, на этот раз глубоким нормальным сном, но выспаться ей не дали. Кто-то разбудил ее на конечной станции, и до больницы пришлось добираться еще одним автобусом.

Никакого паука над городом она так и не разглядела.

Больница, в которую доставили Мари, оказалась на противоположном конце города. Катрин узнала адрес в том же полицейском участке, представившись ее адвокатом. В самой больнице она назвалась уже кузиной Мари Блен, опасаясь, что в палату пускают только родственников. Сначала Катрин хотела назваться сестрой, но предположила, что ее акцент может вызвать лишние вопросы.

Больница была как в американских фильмах – чистая, просторная, с вежливыми докторами. «В такой больнице и болезнь – отпуск», – подумала Катрин. Она боялась, что Мари все еще будет без сознания, но нет, она бодрствовала и тянула бульон через трубочку. Катрин села на стул рядом с кроватью, поздоровалась и представилась.

– Как вы себя чувствуете?

На словах Мари чувствовала себя хорошо, и это шло вразрез с тем, что Катрин видела в реальности.

– Мари, вы расскажете мне, что произошло сегодня утром?

– Я уже говорила вашим, я ничего не помню, – прохрипела пациентка. Судя по голосу, у Мари были повреждены связки. На шее явственно виднелся след от удавки. «Бедная женщина», – подумала Катрин.

– Я не из полиции.

– Вы – работник больницы?

«Что же ей ответить?» – озадачилась Катрин. – «Если назовусь подружкой ее мужа, чего доброго, сочтет любовницей и вообще замкнется».

– Не знаю, как сказать это по-французски, – ляпнула Катрин с жутким русским акцентом, радуясь про себя, что ей удалось выкрутиться. – Но я друг.

– Журналист? – подсказала Мари.

«О, это отличная версия! Кем же, как сказал этот тип, она работает?»

– Нет, пока что я копирайтер. Но я мечтаю пробиться в журналисты, – поведала Катрин со всей возможной искренностью.

– Здорово, я тоже копирайтер, – Мари улыбнулась. – Но как же я могу вам помочь?

– Мне нужно написать статью о женщинах, жертвах насилия. Разумеется, без упоминания реальных имен. Хочу узнать информацию из первых рук. Эта статья откроет мне дорогу к нормальной работе в газете или журнале... Помогите мне написать ее, Мари! – взмолилась Катрин.

«Помогите мне понять, стоит ли дальше обращаться к вашему мужу!»

– Тяжело же вам будет написать статью, если вы забываете такое простое слово, как «журналист», – заметила Мари.

– Я работаю на российское издание. Феминистки в России хотят перенять опыт французских женщин.

– Тогда я не удивляюсь, как вы меня нашли. Русская шпионка.

– В России не шпионы, а разведчики. Шучу!

– Без разницы. Все равно, Катрин, я ничем не могу помочь. Все как в тумане. Помню только, как ложились спать.

– Что вы обычно делаете, когда просыпаетесь?

– Варю кофе. Иду за комп... Катрин, у вас нет с собой ноутбука или планшета?

– Смартфон подойдет?

– Да, давайте.

Мари тут же принялась набирать по памяти какой-то адрес в браузере. Катрин вытянула шею, чтобы разглядеть, что у той на экранчике. Какие-то мыльно-пастельные тона... Надо купить очки.

– О боже, мне надо это срочно удалить, – и пациентка начала залогиниваться. Катрин вырвала у нее из рук смартфон.

– Я отправлю одно сообщение, Мари! Это срочно! Минутку, я вам его сейчас отдам.

Катрин сняла со страницы скриншот и отдала Мари мобильник.

– Неужели это не могло подождать? – произнесла та, наконец, удалив свое злополучное сообщение в дневнике.

– Не могло, это по работе... Вы что-то вспомнили?

– Маленькое недоразумение. Я была на эмоциях и написала в блоге полную чушь. Блог – это что-то вроде дневника в интернете...

– Я знаю, что такое блог, – сказала Катрин.

В палату вошла голая старуха с кошмарными шрамами на теле, будто ее только что препарировали. Самозваная журналистка уставилась на нее, соображая, видение это или что-то настоящее.

– Где доктор Канторович? Я им очень недовольна, – проскрипела старуха. Катрин молчала, надеясь, что та сообразит, что нет тут никакого доктора, и уйдет сама. Но старуха принялась бродить по палате, заглянула в шкаф, подошла к окну.

– Вы сейчас очень напомнили мне мужа, – сказала Мари. – Такой же взгляд. Интересно, чем он сейчас занят... наверное, создает свой главный шедевр.

– Он в полиции, а оттуда, скорее всего, отправится в тюрьму.

– В тюрьму? Так ему и надо, – заявила старуха, удаляясь из палаты. – Косорукий доктор.

– О нет! Нет-нет-нет! – начала причитать Мари. – А полицейские мне не сказали! Я должна ехать туда, сейчас же.

– Боюсь, вы не в состоянии, – удержала ее Катрин. – Да и вряд ли вас так просто отпустят...

– Еще как отпустят, – Мари высвободилась и убежала прямо в больничном халате.

Катрин покинула больничную территорию, села на лавке и открыла сохраненный скриншот со странички Мари.

– Посмотрим, что там у нас.

«Я такого от него даже не могла ожидать! Он настоящее животное! Мне было так больно, когда он набросился на меня! Столько крови! Пресвятая дева, как это оказалось мерзко!» – прочла Катрин. Дальше шло полотно несодержательных переживаний, в ходе которых Мари проникалась больше ненавистью к себе, чем к «животному».

«Откуда кровь? Он так ее избил?» – думала Катрин. – «Не девственности же ее лишили в тридцатник, тем более, что они давно живут вместе».

Она поразмышляла немного об этой ситуации, себе и бытию в целом, и решила, что пора отправляться домой. Ей было спокойно на душе. Покойные старики скорее выглядели растерянными, чем желающими ей зла, а сестра... Кажется, удалось найти подход и к ней.

Катрин еще не знала, как заблуждается.

ТАНАТОС

Стефан

На чердаке пятиэтажного дома в одном из пригородов Парижа малоизвестный скульптор обмывал со своим агентом первую проданную партию статуэток. Один из образцов стоял тут же на столе – это была глиняная кошка, изящная и вытянутая, она сидела на задних лапах, передними будто пытаясь поймать надоевшую муху или бантик, которым ее дразнил хозяин. На ее лапах покоилось несколько смятых купюр.

– Я тебе еще четыре года назад говорил, что пора перестать клепать чудиков, и начать создавать вещицы для простого народа, – сказал агент. Оникс только махнул рукой в ответ и отпил еще вина из кружки. Более эстетичной посуды для питья на его чердаке не водилось. Стефан мысленно отметил, что при случае нужно подарить скульптору бокалы в знак их великой дружбы.

– Как тебе вино?

Оникс поднял большой палец вверх.

«До чего же неразговорчивый тип», – подумал Стефан. – «Надо его расшевелить, а то пригласишь интервьюера, а наш дражайший скульптор будет молчать и глазеть в пол». Агент действительно подумывал о том, чтобы устроить подопечному интервью с каким-нибудь журналом об интервьюере или искусстве, а лучше – и тем, и другим. Все ради продвижения в массы.

– У тебя такой приятный голос, дорогой, и такие мудрые мысли! Людям польстит, если ты будешь чаще баловать их своими беседами.

– И без меня беседы неплохо ведутся, – произнес скульптор. – Тем более все, что я мог сказать, я тебе уже сказал.

Стефан ненавидел, когда люди молчали. Если в его присутствии возникала пауза, он тут же стремился ее заполнить. Молчание казалось ему неприличным. К его счастью, на чердак поднялась Мари.

– В округе полно полиции, – сказала она. – Тут недалеко нашли еще один труп.

От Стефана не укрылось, как напрягся его собутыльник.

– Не беспокойся, дорогой! Какой-то наркоман помер от передозировки. Тебе ничего не грозит.

– Это был не наркоман, – глухо отозвалась Мари. – Я знала его. Достойный человек. Дворник.

– Ограбление? – спросил Стефан.

– Я-то откуда знаю! Знаю только то, что мне теперь страшно выходить из дома!

– Не истери, – пьяно осадил ее Оникс. Мари ушла за свой стол и уткнулась в экран ноутбука.

– Нагоняет жути, да? – шепотом произнес Стефан, указывая на Мари.

– Угу. Любит она это... на пустом месте. Не понимает, какая мне нужна атмосфера.

– Я тебе говорил, дорогой, не раз говорил: мужчину по-настоящему может понять только мужчина. А ведь ты знаешь, я говорю только дело. Вот еще когда сказал, что в тебе есть потенциал – разве оно не было верно? Или как когда я сказал, что нужно тебе лепить кошек...

– Да что ты от меня хочешь? – воскликнул скульптор.

– Долгого и плодотворного сотрудничества, – ответил агент, коснувшись своей кружкой Оникса.

– О'кей, пьем за сотрудничество.

– И партнерство.

– Да как твоей душе угодно.

– Моей душе угодно понять твою, дорогой!

– Это можно устроить, – сказал Оникс, еле шевеля языком. Пил он крайне редко и алкогольной сноровки не имел.

Стефан придвинулся ближе, скрипнув табуреткой по дощатому полу, бросив косой взгляд в сторону Мари. Та была полностью поглощена онлайн.

– Ну так?

– Ты узришь, – произнес скульптор, ухватив собутыльника за плечо. – Узришь, мать твою! То есть, душу мою... Мне будет малость омерзительно помогать тебе прозреть... но я достаточно пьян, чтобы решиться.

Стефан все ожидал, что Оникс сейчас начнет рассказывать ему тайные подробности из своей жизни, но никаких откровений о скелетах в шкафу не последовало.

– Я весь во внимании, – сказал агент на всякий случай, вдруг Оникс не заметил, что его приготовились слушать. А тот из полупьяного вида вдруг приобрел вид совершенно окосевший.

– Не, не, тебе надо для начала это... проспаться. Попроси у Мари, на чем поспать.

Разочарованный агент пошел спрашивать у Мари матрас. Той удалось найти для него лежанку, настолько пыльную, что Стефан начал аллергически чесаться, лишь завидев ее. Ехать домой на машине, будучи нетрезвым, он не мог, а денег на такси жалел – зачем такси, если есть собственное авто? Еще раз взвесив все за и против, он расстелил на лежанке пальто и, молясь, чтобы в матрасе не водились клопы, улегся спать. Погружаясь в сон, он слышал, как Оникс упрашивал Мари сходить в магазин за какой-то безделицей.

Сон Стефана был поначалу весьма приятен – что может быть сладостней исполнения желаний? – но вскоре стал крайне беспокойным. Стефана не покидало ощущение чьего-то присутствия – не Мари и не Оникса, кого-то чужеродного, заставляющего его тревожиться и просыпаться вновь и вновь.

Вскоре Стефану стало совсем невмоготу от тревоги. Он вскочил на своем матрасе, тяжело дыша, и начал лихорадочно осматриваться. Он полную яркость на своем мобильнике и принялся шарить с ним по чердаку, как с фонарем. Размытый квадрат света от экрана проплыл по кухонному углу, полному знаков недавней попойки. Никого.

Стефан направился в угол, служивший ванной, протянул руку к ширме, ограничивающей его. Сердце его забилось, и в голове заиграла тревожная музыка из Хичкока.

– Кто здесь?

Он резко отдернул ширму и отпрянул назад – заранее, мало ли что. Никого.

– Кто у нас главный дурачок на деревне? Стефа-а-ан, – пропел агент, пытаясь развеять страх. Еще два угла, и можно возвращаться на лежанку.

Третий угол, «кабинет Мари». Свет фонаря скользнул по закрытому ноутбуку, по оберткам от шоколада, конфетным фантикам и упаковкам от бог знает чего еще. Стефану попала на глаза маленькая черно-белая фотокарточка с лицом Оникса. Агент тут же опустил фотографию к себе в карман и отправился дальше, в четвертый угол, продолжая напевать только что придуманную песню из одной строки про дурачка на деревне. находка немного отвлекла его от чувства страха.

Вот кровать, на ней два тела. Все чин чинном.

Стефан уже собрался развернуться и отправиться досыпать, когда его фонарь, отведенный в сторону от кровати, вдруг осветил бледного голого человека.

– А-а-а! – заорал агент, чуть не выронив мобильник. Человек продолжал бесстрастно стоять возле кровати хозяев чердака, Стефан же задрожал всем телом, еле стоя на ногах.

«Я так громко кричал, почему они не просыпаются?» – пронеслось в той части его сознания, что не оцепенела от ужаса. Тем временем его зрение отмечало все новые детали – крылья за спиной человека, покрывало, накинутое на плечи.

Наконец, рациональная сторона Стефана взяла верх. «Нацепил на себя крылья, извращенец-фетишист! Под ангела косит. Да кто такое захочет?» – подумал он, нашарив в кармане бумажник. Стефан всегда носил с собой два бумажника – настоящий, которым он пользовался, и кошелек с мелочевкой, который он собирался отдать в том случае, если бы ему встретился грабитель.

– Вот, возьми это, и уходи, – сказал он, протягивая голому человеку бумажник с мелочью.

– Я не принимаю даров, – прогремел тот жутким голосом, но губы его не шевелились. У Стефана вновь затряслись поджилки.

– Так чего же ты от меня хочешь? – выдавил из себя он, испытывая сильнейшее дежавю от этого вопроса.

– Познать твою душу, дорогой, – ответил голый человек, все так же не шевельнув ни единым мускулом на лице. Крылья взметнулись, и бледный ангел устремился к Стефану через кровать. Тот не выдержал и потерял сознание.

Катрин

Максим не мог нарадоваться на жену последние две недели. Она бросила свою работу в гадальном салоне, отныне посвящая и утро, и вечер работе в его детище – кафе «Maxim». Единственное, что его смутило, так это то, что Катрин не стала забирать из салона расчет за последнее проработанное время – какие-никакие, а деньги. Все же он решил ничего не говорить на этот счет, вдруг Катрин, переступив порог салона, ностальгически вспомнит что-то хорошее об этом месте и решит туда вернуться.

Катрин также посвятила несколько дней изучению его бумаг – чего Максим уж совсем никак не мог от нее ожидать, и составила ему список своих замечаний, все письменно. Что-то она сочла «нерациональным», на чем-то, наоборот, советовала акцентировать внимание. Такой официоз только позабавил Максима – что эта молодуха, да еще с таким образованием, может понимать в бизнесе? Но, он и тут ничего не сказал, чтобы не погасить в ней энтузиазм, забрал ее бумажки и обещал внимательно прочитать в свободное время, а сам уже через час ел на этих отчетах жирную рыбу.

Катрин видела в реакции мужа нескрываемое снисхождение, но продолжала заниматься кафе. Ей нужно было забить голову чем-то стопроцентно материальным и приземленным, чтобы отвлечь себя от явлений призраков. Однажды ей даже казалось, что это помогает – две ночи подряд в ночном кинотеатре «Черепная коробка» показывали обычные беспорядочные сны, но потом все вернулось на круги своя. Покойная Ольга все так же приходила к ней, пугая угрозами забрать на тот свет, но вскоре Катрин поняла, что призрак только на это и способен – устрашать словами и эффектами, да только и всего. Если бы сестра по-настоящему хотела и могла затащить ее в мир мертвых, она давно бы это сделала.

Катрин сомневалась, ее ли это сестра вообще, или «монстр» наподобие тех, что описывал Оникс. Она решила, что они со скульптором проецируют на этих монстров наиболее травмировавшие их воспоминания. Для Кати это была смерть сестры; у Оникса, видимо, в семье никто не умирал – или он не принимал эти смерти настолько же близко к сердцу, вот ему и ничего оставалось, кроме как видеть эталонных злодеев из ужастиков. А может быть, его в детстве старший брат пугал подкроватным монстром, кто знает. Вряд ли Оникс согласится прийти к ней в гости, лечь на кушетку, закрыть глаза и позволить провести сеанс психоанализа.

Несмотря на то, что выводы из всей ситуации были сделаны логичные, сестра-призрак возвращалась каждую ночь и продолжала трепать Катрин нервы, сколько та ни убеждала себя, что это не сестра, а образ, который никак не может ей навредить. Разумеется, никто, кроме нее, Ольгу не видел. В первую же ночевку в подсобке после побега, Катрин разбудила Максима и, притворившись, что слышала странный шум, попросила его осмотреться. Тот воспринял ее слова всерьез, включил свет, даже вооружился пустой бутылкой... и бодро прошел мимо призрака в коридор кафе. Чего и следовало ожидать.

Катрин в ту ночь вытащила свой смартфон, включила видеосъемку и навела камеру на привидение.

– Давай, передай народу привет. Ты скоро прославишься на весь мир. Я выложу тебя на Youtube. Ты ведь хочешь, чтобы у сестренки было много-много подписчиков?

Призрак настолько оскорбился от такого обращения, что тут же исчез. Катрин понравилось задевать его, это помогало ей справляться со страхом и отвлекало от боли в животе, которая почему-то сопровождала каждый «контакт» с потусторонней силой.

На видеозаписи в итоге оказалось только пустая комната и голос Катрин. Ей вспомнилось, как призрак в придорожной забегаловке вытащил из ее сумки бутылку минералки. Что показала бы съемка в том случае – бутылку, летающую по воздуху? Жаль, больше не удавалось подстроить такую ситуацию, а призрак, стоило Катрин достать смартфон, не трогал никаких

предметов в комнате. Даже если Катрин заранее прятала камеру за вещами на столе – сестра как-то узнавала об этом.

Другие призраки, старый Жан и недовольная доктором Канторовичем старуха из больницы, выглядели более-менее человеческими в своем поведении, и Катрин вполне допускала, что они могли быть реальными людьми, уходящими на тот свет. Чтобы проверить свою гипотезу, Катрин отправилась в больницу, где лежала Мари, и принялась бродить по коридору.

– Мадмуазель, вы что-то ищете? – спросила медсестра, когда Катрин в третий раз продефилировала мимо нее.

– Сорри, нот андерстенд френч! – отозвалась та, и потопала дальше.

Медсестра снова повторила вопрос, на этот раз по-английски, с легким приятным акцентом.

– Сорри, нот андерстенд ынглиш! – ответила Катрин, не оборачиваясь. Работница больницы побежала следом.

– Туда нельзя! Там реанимация! Реанимацион! – восклицала медсестра, еще больше убеждая Катрин, что на этот раз она движется в правильном направлении. Стоило ей приблизиться к заветному коридору, до нее добрались еще две женщины в белых халатах, силой развернули, и начали вдалбливать недалекой иностранке яростной жестикуляцией, куда ей нельзя, а куда можно.

Реанимация представлялась Катрин местом, где должно быть полно призраков. Не все же операции в этой больнице заканчиваются удачно. Тем более, только в реанимации и можно было отличить мертвых пациентов от живых – живые там на своих ногах не передвигались.

Катрин слабо верила в то, что ей удастся вот так в лоб пройти до реанимации, но все же надеялась на шанс, что все медсестры и врачи в крыле одновременно окажутся заняты где-то еще. Увеличила бы ее шансы маскировка под врача? Катрин достала свой неизменный смартфон и набрала в поисковике «форма медсестры». Браузер радостно вывалил ей десяток ссылок на секс-шопы. Катрин рассеянно ткнула на первую ссылку и пропала в недрах этого сайта на битую четверть часа, размышляя, стоит ли сделать оттуда заказ по своим надобностям, и если да – то на какой адрес. Мало ли – вдруг посылка или извещение доберется до нее, когда Максим будет рядом?

Следующим пунктом назначения был морг неподалеку от больницы. Прямо перед входом стояла тележка с цветами и ценниками, рядом на складном стульчике сидела сама цветочница в темном пальто в полоску.

– Наживаетесь на чужом горе! Как не стыдно! – надрывалась перед ней какая-то женщина.

– Пойдем, мама, пойдем, – тянул ее за рукав молодой человек. Что мать, что сын – оба были в черном с ног до головы, даром что пришли не на похороны, а только на опознание труп.

– Не бесплатно же мне их отдавать, – меланхолично отвечала цветочница. Но даме в трауре было, кажется, все равно, на кого и по какому поводу изливать свою истерику.

Катрин проскользнула мимо них, после недолгих колебаний прошла в комнату, где тела ожидали отправления в последний путь. Хранилище напомнило ей камеры хранения на вокзале – такие же лаконичные шкафчики вдоль стены, с виду и не скажешь, что за мрачный груз покоится внутри.

Она постояла в центре комнаты. Было тихо, только с улицы отголосками доносились крики вдовы. Больше ничего.

Когда Катрин обернулась, она увидела, что в углу возле входа за письменным столом сидят человек в белом халате, видимо, патологоанатом, и взъерошенный мужичок. Перед патологоанатомом стояла чашка и тарелка с недоеденным круассаном. Они все это время наблюдали за ней, поняла Катрин, и ей стало жутко неудобно. Это ведь надо было так проскочить мимо них и не заметить!

– Хотите круассан? – спросил доктор любезно, и пододвинул тарелку. Катрин обычно брезговала есть пищу после того, как ее надкусил кто-то другой, но сейчас она была в замешательстве, потому машинально сказала:

– Хочу. Спасибо.

После этого ей пришлось подойти, взять круассан с тарелки и начать жевать его. Он оказался без начинки, Катрин не любила такие. Она никогда не понимала, в чем интерес есть «булки» без начинки, мол, с тем же успехом можно просто жевать пустой хлеб. Уже проглотив последний кусочек, Катрин осознала, что принимает пищу в морге, и этот факт ее позабавил.

– Ну как? – поинтересовался патологоанатом.

– Вкусно. Хотя я предпочитаю с начинкой, – призналась Катрин. Взъерошенный мужичок хмыкнул. У Катрин сложилось впечатление, что тот малость выпивши.

– О, я тоже люблю, когда мне попадают субъекты с начинкой, – поведал доктор. – Один раз нашел мешочек с кокаином прямо в кишке. Он-то, к слову, и вызвал закупорку, а впоследствии летальный исход. Хотя, это редко. Обычно скучная начинка попадает, те же недопереваренные кукурузинки...

Мужичок поежился. Видимо, любил кукурузу. Катрин не знала, стоит ли ей поспешно распрощаться, или остаться и послушать еще историй про находки в покойниках.

– Один раз препарировал клошара, натурально опустившегося. У него в ноге было целое гнездо червей, скажу я вам, их там было – во! – и патологоанатом развел руками в стороны, как рыбак, хвастающийся добычей. Для Катрин французское слово «клошар» звучало куда романтичнее, чем русское «бомж», и никак не хотело ассоциироваться с гнездом червей. – У него, кстати, была раньше такая фигуристая татуировка с именем, «Жак», но черви оставили от нее только «Ж», а остальные буквы – не полностью.

Жак? Нет, того старика звали Жан... А что, это мысль.

– Я ищу своего дедушку Жана, – сказала Катрин. – Лет семьдесят на вид, лысоватый...

– У меня этих дедушек знаете сколько? – перебил ее доктор. – Давайте смотреть по спискам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.